

ВЛАДИМИР И ДАРЬЯ
КРИВОНОГОВЫ

ЯГА

Кто вернул тебя из мертвой топи?

«КРЫЛОВ»

МК Fantasy

Владимир Кривоногов

Яга

«Крылов»

2017

УДК 84Р1-44
ББК 882

Кривоногов В.

Яга / В. Кривоногов — «Крылов», 2017 — (МК Fantasy)

ISBN 978-5-4226-0304-6

990-й год от Рождества Христова. Молодая девушка по имени Ягода из русской деревни Красатинка вместо счастливого замужества узнает горький вкус предательства. Отчаявшись, она заключает зловещий договор с нечистой силой. Ягода обретает немыслимую мощь и великий дар – перерождаться каждые 45 лет, чтобы вновь стать молодой. От Ягодки до Яги, от простой селянки до могущественнейшей ведьмы, проделывает она свой зловещий и легендарный путь. Страшный путь длиною в тысячу лет. И горе тому, кто осмелится ей помешать. Даже если на ее пути встанет сам Чернобог...

УДК 84Р1-44

ББК 882

ISBN 978-5-4226-0304-6

© Кривоногов В., 2017

© Крылов, 2017

Содержание

Глава 1. Предательство	6
Глава 2. Чернобог	14
Глава 3. Две невесты	19
Глава 4. Погоня	27
Глава 5. Заклан-камень	35
Глава 6. Месть	42
Глава 7. Смерть	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Кривоногов, Дарья Кривоногова Яга

© Кривоногов В., Кривоногова Д., 2017

© ИК «Крылов», 2017

* * *

Сорок пять! Баба ягодка опять!
Народная мудрость

Глава 1. Предательство

Рождество Христово отсчитало 990 лет. В ту теплую осень накануне счастливого праздника урожая в деревне случилось невиданное действо! Поднялась пыль на песчаной дороге, стало шумно и тревожно. Где-то далеко плакали люди, поодаль всхрапывали кони, кто-то бряцал оружием и гневно кричал.

Стройная девушка годов семнадцати, простоволосая и чернявая, с любопытством выглядывала из удивительной по своей красоте избышки. Такие дома позволяли себе ставить только мастеровитые плотники, а прижилась эта чудная изба на отшибе небольшой деревни, возле самой околицы.

Удерживая тонкими белыми ручками от порывов ветра распахнутые в разные стороны резные ставенки, девица внимательно всматривалась в поднимающиеся дымы в самом центре деревни. Русское поселение, что приютилось на самом краю Молохова лесного урочища, имело причудливое название Красатинка. Здесь, на бережке притока речки Иваты и примыкающей к низине деревенской околицы было не страшно, но посмотреть, почему кричат люди, очень хотелось.

Босоногою красавицу звали Ягодка.

Она быстро накинула неказистый платок и побежала к людям и идолам.

Многие десятилетия эти деревянные истуканы стояли в центральной части поселения и всегда были центром крестьянской жизни. Случалось, и жертвы им приносили! Но это только по великим дням и в наиважнейшие праздники. Чаше люди молили о помощи в трудный час. Сельчане видели в идолах великих судей, способных вознаградить за доброту и покарать за черствость, поэтому жертв не чурались – хрясь топором курочке или петушку по шее, вот тебе и жертва! Реже гусику доставалось, но тоже случалось. А вот людей ни разу не отдавали на заклятие. Понимали: негоже это, страшно и стыдно.

Ягодка стояла слегка в отдалении, а честной люд все прибывал и прибывал. Внезапно она оказалась уже в середине, в гуще событий – сюда пришли все. Людское сборище раздраженно колыхалось и вдруг затихло.

Девушка всматривалась в деревянные, черные от сажи глаза Перуна, выражавшие грозную ярость. В былые времена эти же самые очи идола могли выражать и решимость, и даже одобрение, но сейчас в них застыла немая злоба, да и не мудрено – больше старым богам не суждено оберегать своих чад, сегодня они будут низвергнуты и уничтожены. Народной вины в поругании святынь не было, но ответ за это злодеяние по традиции будут держать, конечно же, простые люди.

Смоленский князь повелел, и дружина поскакала исполнить его приказ. Ныне этим приказом стало уничтожение высших сил. Со слепой верностью и беспристрастностью пришлые дружинники вошли в поселение, и подожгли идолища Макоши, Сварога, Велеса и что самое ужасное – самого Перуна.

«Святотатство! Кто посмел?!!»

Никому неизвестно, что творилось в сердцах этих бравых мужей, которым приходилось бороться и с собой, и со своим же народом, но и люд русский, собравшийся на ужасное зрелище, покорностью не отличался. Помимо недовольных выкриков бородачей, стенаний и плача женщин и старух, воплей неразумных детей, были и гневные нападки, отражавшиеся ратниками незамедлительно и крайне жестоко.

Афонька-пастух, вооружившись длинной палкой, кинулся на защиту святынь. Пробриться сквозь кольцо мечников ему не удалось, как и двум другим, особо страждущим мужикам. Они все получили палицей по головам и пали замертво, окропив кровавыми брызгами черную утоптанную пыль. Народ заволновался, забурлил, но больше защитников не нашлось. Лишь только

слепой и полностью седой старец проклинал и проклинал всех подряд: князя, дружинников, жителей Красатинки и даже самого себя.

Меж тем намоленные истуканы горели плохо, при этом закопченные и деформированные божьи тела выглядели еще более зловеще. И тогда недовольные результатом дружинники повалили идолов в грязь. Они топтали их и рубили боевыми топорами, они крошили деревянные останки в мелкую щепку, а после они выпили смородиновой браги и отправились к следующим деревням, оставив за собой огромный шум и горе.

Ягодка не могла поверить своим глазам, казалось, что она даже не понимала, что же происходит вокруг нее. Ведь впереди ее ждало только счастье! Молодой и пригожий кузнец уже давно сводил девицу с ума, и добиться ее опрометчивой благосклонности ему, уже попрововавшему девичьей ласки, не составило особого труда. В сердце сироты вспыхнула искра настоящего чувства – любви единственной и вечной, счастливой и пылкой! Ох, какая страсть забурлила в их молодых телах! Частые ссоры заканчивались таким же порывистым и грубым лобзанием. Ягодка видела в нем своего будущего мужа, суженого, о котором рассказывали бабки и грезили во сне и наяву все девки на выданье.

Влюбленная девушка не смотрела на удаляющиеся, закованные в кольчуги сильные фигуры, она искала глазами его и только его – Желана!

Она должна сказать ему правду! Она подойдет к нему и все расскажет! У них родится ребенок, и теперь все будет хорошо. Будущий отец обрадуется дитятку, возьмет Ягодку в жены, и тогда их молодая семья будет самой красивой и ладной во всей деревне. Молодая мать поселится в просторной избе, которую построят для молодоженов всем миром. Семью Желана уважали и почитали во всей округе. Все будет хорошо!

«Желан любит меня! – твердила она себе. – Горе поправных святынь уляжется, и он обо всем узнает».

С этими мечтаниями и намерениями Ягодка проходила несколько дней. Постепенно люди убрали все следы прихода дружинников – убиенных похоронили, площадку сровняли, но как дальше сложится их жизнь, представлялось слабо. Слухи о новом боге были непонятны, а старых богов изничтожили и затоптали. Всем было объявлено, что теперь князь будет бороться с теми, кто славит Правь¹.

Больше девушка ждать не могла, мысли о грядущем разговоре с любимым заставляли сердечко то усиленно биться, то уходить в пятки. Неопределенность всегда страшнее любого дикого зверя, а Ягодку неизвестность обступала со всех сторон.

Спрашивать односельчан, где работает в это светлое утро Желан, она постеснялась – решила разыскать сама. Быстренько пробежав по деревне, она зыркала глазками. Решилась идти за околицу на луга, на покосы. Там она и заметила родную фигуру – Желан скирдовал сено с ватагой дружков. Парень мощно работал вилами, с легкостью забрасывая на стог очередной ворох сена. Он казался девушке всемогущим и мужественным.

– Хороший ты мой! – обрадовано прошептала Ягодка. Она надеялась, что отзовет парня в сторону и там, за свежей копной поговорит с ним. Случилось же все по-другому.

Решившие передохнуть парни только и ждали повода для ехидной шуточки, но девушка никогда не обращала внимания на ядовитые слова соплеменников – презрительных подначек из людских уст Ягодка слышала предостаточно. Для нее был важен лишь он, и только он!

Первые лучи солнца сияли в светлых волосах Желана, словно в янтаре, заставляя трепетать окрыленную душу девушки. Она любила в нем все: широкие мускулистые плечи, сильные руки, горячий нрав. В его глазах она тонула точно в глубоком чистом озере, но почему-то нынче озеро не раскрыло своих глубин – украдкой посмотрев на Ягодку, сын кузнеца отвел взгляд.

– Я хочу поговорить с тобой наедине, – выдохнула она.

¹ Правь – мир богов. В нем находится Ирий-сад.

– Не сейчас, уходи, – процедил он в ответ.

– Нет, сейчас! – в душу Ягодки прокрались смутные сомнения, но идти на попятную она, по своему обыкновению, не стала. – Что не так? Почему ты гонишь меня?

Кучка дружков Желана проронила еле слышные смешки, но он тут же осадил их всех тяжелым странным взглядом.

«Да что же произошло? Раньше все было иначе!»

Ей оставалось только ждать ответа, и он последовал:

– Я женюсь на Преславе, так распорядился отец. Я не буду больше с тобой...

– Но я ношу твое дитя! – в голове Ягодки пронеслась целая буря скверных мыслей, и горло уже начинала сжимать невидимая удавка.

«Как он посмел!? Они все смотрят на меня! Зачем же я при них-то? – запоздало спохватилась она. – Это неправильно».

После небольшой паузы парни не выдержали и противно заржали, а Желан удивленно округлил глаза:

– Что?! Дура, самой надо было думать, прежде чем подол задирать. Ты решила, что я на тебе женюсь? Никто бы не принял нас.

– Но ведь это же нечестно! – вскричала Ягодка.

Желан некрасиво усмехнулся, и мельком взглянув на своих дружков, процедил сквозь зубы:

– От кого дите нагуляла, дуреха? Почему ты решила, глупая баба, что это мой ребенок?

Ягодка захлебнулась от этих грязных слов. Желан был первым и единственным мужчиной в ее жизни! Он ее первая и настоящая любовь! Слезы беспомощности и унижения струились двумя прозрачными ручейками:

– Желанушка! Да всмотришься же ты в меня! Это же я – твоя Ягодка! Почему ты обернулся волком к своей милке?

Девушка пыталась поймать его взгляд, заглянуть ему в душу, но парень отвернулся и хмуро молчал.

– Я же люблю тебя! – в отчаянии вскричала она. – Иссохлась уже вся! У нас дите будет! Наше дитячко!

В порыве она кинулась ему в пояс, обхватила трясущимися руками колени и зарыдала. Но чуда не произошло!

Крепкий парень грубо оттолкнул девушку. Не ударил, конечно, но отбросил с яростью злой, безвозвратной.

Слезы обиды пробивали себе пыльные дорожки по лицу девицы, но Ягодке не было больно. Физических страданий она уже не ощущала – разум выжигали несправедливые, оскорбительные слова, которые как будто бы, выхаркнул ее любимый:

– Потаскуха! Забудь меня! И не смей ходить вокруг да около!

Небо перевернулось!

Пронзенная неслыханным унижением, она понеслась прочь. Подальше от чужих глаз. Кто-то громко заулюлюкал вослед, но Желан размахнулся и сильно ударил хохмача кулачищем в лицо. Впрочем, Ягодка ничего этого уже не видела и не слышала. Она бежала, не разбирая дороги. Размытые от слез стежки и тропки родной деревни постепенно сплетались в паутину чужих, неизведанных дорог. Бежать Ягодка вскоре устала и теперь шла, пошатываясь, цепляла подолом репей, царапала в подлеске руки и колола ступни босых ног.

Внезапно плотная крона урочища схлопнулась над головой несчастной девушки. Лучистый Ярило не заглядывал сюда никогда! Мрак сгустился, а рыдающая дева шла и шла, не разбирая дороги – туда, в чашу, в погибель, куда ведут зашоренные горем глаза. Ближе к ночи девушка внезапно ступила на мягкие мшистые камни древней дороги. Упав на колени, она принялась ощущать невидаль тонкими пальчиками опытной травницы.

– Это дорога! – прошептала она. – Я знаю о ней! Мне рассказывала о ней мамка перед своей смертью. Это путь Чернобога²! Теперь ясно, почему никто у нас в этот лес не ходит – ни за хворостом, ни за грибами, ни за ягодами, ни за дичью. Боятся сволочи!

Дорожка иногда пропадала в подлеске или буреломе, но вновь появлялась, иногда нечаянная, заросшая, затертая. Но пытливый ум девушки вновь выискивал путь и она, ускоряя шаг, переходила то на быструю ходьбу, то на прерывистый бег. Ягодка не помнила, что увидит дальше. Но рассказы мамки она не забыла. Там впереди гнилое болото и древнее капище. Там идолище с престолом и древним заклан-камнем! Там злые люди веками молились Чернобогу – самому страшному богу всех славянских племен!

Тысячи лет ходил Чернобог по землям славян великаном – в три раза выше самой высокой сосны. Мрачным и жестоким предстал он перед своими испуганными, но верными подданными. Всех в страхе держал, а иногда, смилостивившись, мог армию врага разметать, растоптать, а мог и камень-скалу вырвать из земли и зашвырнуть ее на небо. Все мог! Хоть что! Но не сейчас – люди предали Чернобога и других старых богов. Они сбросили идолов и отвернулись от великой мощи Перуна³! Бог смертельных чертогов недолюбливал этого чванливого выскочку, хотя иногда и называл его братом, всегда посмеиваясь и подтрунивая над ним, но теперь по воле судеб и людской прихоти они оказались в одной упряжке. И нет этим маленьким человечкам пощады за это! Он ослабел, но он отомстит!

Чернобог видел, что к его престолу идет молодая женщина, ее скрытый облик предстал перед владыкой загробного мира пылающим синим костром гнева.

– Эта глупая маленькая, но злая ведьмочка поможет нам, – задумчиво проронил он. – Она сделает то, что я ей повелю.

А Ягода слепо и упорно шла вперед. Ноги заплетались, время от времени натываясь на корни, булыжники и спутанную пожухшую траву. Земля казалась испорченной кашей, которая выдавливалась меж пальцев босых ног Ягодки.

Она знала и понимала, зачем ей нужно идти вперед, дальше. Пусть темные воды навсегда сомкнутся над ее головой! Жуткое болото, чавкающее гнилой топью, заберет бедную девушку в свои темные холодные объятия, а вместе с ней – ее беспросветное горе и страшное унижение. Только сама смерть может принести стылое спокойствие и вечный покой в трепетную душу оскорбленной девушки. Ягодка знала, что владения жуткого Чернобога всегда принимали изгоев. Видимо теперь настал и ее черед. Желан, этот подлый предатель, оставил Ягодку на произвол судьбы. На нее повесили бы клеймо распутной девки! Но возмущало и пугало другое – всеобщее презрение соплеменников ожидало бы и ее будущего ребенка.

– Не бывать этому! – с надрывом вскричала Ягодка. – Пусть все эти мерзавцы продолжают жить в своей грязи и пыли, словно склизкие черви, а я... Я уйду навсегда!

Мысли в ее голове метались, как серые грязные тряпицы. Девушка с легкостью решила на самое страшное – отправиться в мир иной: легкий, бестелесный и темный; заломив руки над головой от безысходности, кануть в омуте, бездонном, как и ее отчаяние.

Пройдя в самую чащу, куда не ступала нога праведного крестьянина, Ягодка, наконец, нашла подтверждение рассказов своей матери. Скрюченные деревья как будто укрывали это место от ненужных глаз. В центре небольшой возвышенности находился священный жертвенный постамент – заклан-камень. Он был почти идеальной прямоугольной формы, каждая грань была расписана затертыми символами и непонятными рунами. Ягодка не умела читать, но красота вырубленных в граните знаков, их аккуратность приковывали ее взгляд. Сверху, на гладкой наклонной поверхности отшлифованного временем камня она заметила глубокие извили-

² Чернобог – владыка загробного мира в славянской мифологии, повелитель Нави и тьмы. Злой бог, приносящий несчастье.

³ Перун – бог грома и воинской доблести в славянской мифологии, сын Лады и Сварога.

стые борозды, пролегавшие по всей поверхности священного останца – когда-то давно по ним стекали теплые багряные ручейки. И лежал здесь вовсе не скот.

Взгляд обреченной устремился к другому, не менее странному и страшному предмету на опушке. Ягодка не могла вообразить, какая несметная сила могла выкорчевать широченный дуб и изогнуть его в такую причудливую форму. Казалось, что тот сам вытащил корни из земли и, извернувшись, сел на них своей кроной. В огромном стволе дерева был вырезан трон, безобразный и неровный. Спинка трона плавно перетекала в идолище с мерзейшим ликом.

Из неестественно огромного и глубокого рта будто бы вырывался истошный крик, вместо глаз красовались глубокие дыры. Щеки впали, лоб был испещрен рельефными морщинами. Не было ни бровей, ни ушей, ни волос на голове, обрубок с двумя небольшими щелями заменял нос. Ягодка не могла не смотреть на это уродливое лицо, но и долго вглядываться в него было слишком страшно. Отведя взгляд, она почувствовала, что чудовище теперь пристально за ней наблюдает. Взгляд его пустых глазниц был везде: в этих кустах, на поверхности заклан-камня, в

пожухшей траве и даже средь облаков на небе. У Ягодки не было сил выкинуть страшное лицо из головы. К ее горю и отчаянию присоединилась странная тяжесть этого места. Ей казалось, что нужно поскорей избавиться от всех этих невыносимых чувств. И от всего остального! Ведь болото совсем близко, Ягодка уже видела воду за хитрым сплетением кустов и ивняка.

Когда Ягода с большим трудом преодолела живую решетку растений, перед ней простерлась широкая могильная топь. Приблизившись вплотную к темному зеркалу болота, она наконец решилась продолжить свой путь в один конец.

Она пришла.

Неспешными осторожными шагами юная самоубийца двинулась навстречу мучительной смерти. Ее ноги все глубже проваливались в чавкающую грязь, а платок упал на поверхность воды, сдутый легким ветерком. Девушка услышала какие-то шорохи за спиной, но ни смелости, ни желания оглянуться у нее уже не осталось. Она неуклюже продолжила свой путь и провалилась по пояс в гнилую жижу. Девушка взмахнула руками, пытаясь не упасть – ей почему-то казалось, что умирать надобно там, дальше, где вода чище и прозрачнее.

Шепот. Не один – тысячи мелких шепотков. Детский плач, неявные женские выкрики, торжествующий нечеловеческий хохот нарастали и смешивались в голове Ягодки. Гул призрачных голосов заглушал все настоящие звуки. Внезапно она услышала слово, взорвавшее ее напряженный слух.

– Постой! – прохрипел кто-то в ее голове.

Ягодка не смогла противиться чужеродному гласу: он сковал ее волю и тело.

«Шепот прекратился, но что же здесь творится? Отпустите меня, дайте умереть спокойно».

Грешница испуганно обернулась. И не увидела ничего. Только жертвенник и трон с идолом вдали.

Новый возглас пронзил ее слух:

– А теперь посмотри, что тебя ждет!

С трепетом Ягодка обернулась обратно и вскрикнула от ужаса. В трех метрах от нее из глубины топи поднимались покойники. Замшелый бородач с порванной одеждой и откушенной щекой, два лысых старика, одноглазый парнишка, четыре некрасивых девицы с синими губами, бабка с разодранным лицом и совсем еще маленький мальчик! Серые, разложившиеся, разбухшие от воды мертвецы, улыбались ей кривыми искаженными улыбками. Своими мутными взорами белесых глаз утопленники всматривались в живого человека. Все они принадлежали этой топи и приглашали к себе. Их плотный строй расступился, и сквозь грязные воды болота к девушке вышла она сама – мертвая Ягодка. В серо-синем опухшем лице с пустыми глазницами было очень сложно узнать чернявую красавицу, ослеплявшую своим страстным взором всех деревенских парней. Девушка с ужасом вглядывалась в жуткую утопленницу – те же черты лица, та же одежда, а на руках младенец! Мертвый, как и мать. Нерожденное дите! Ее дитяtko!

– Пойдем со мной, – прохрипела покойница. – Наше место здесь...

– Нет! – Отшатнулась Ягодка.

– Ягода! Ягода! Ягода! – враз завопили усопшие. – Иди! Иди к нам!

Девушка в смятении закрыла лицо руками и в нерешительности замерла, не смея сделать даже шаг или пошевелить головой. Ноги постепенно проваливались – илистое дно болота с усердием ухватило новую жертву и отпускать слабую женщину уже не собиралось.

– Возвращайся! – возвестил прежний повелительный голос. – Иди к престолу!

Ягодка не шелохнулась, продолжая проваливаться в топь. Ей казалось, что если она будет стоять безмолвно и, замерев всем телом и душой, то наваждение и страхи минуют сами собой.

Но голос никуда не исчез:

– Дурочка, утопнешь! Выходи на берег и подойди ко мне. Я хочу поговорить с тобой.

Ягодка вздрогнула – она узнала голос родимого батюшки.

Глава 2. Чернобог

– Вернись, дочка! – голос был таким знакомым и родным, она узнала бы его из тысячи. Но отец умер! Девушка пыталась прислушаться к доводам разума и воспоминаниям. Она растерялась.

– Быстрее, доченька! – Голос отца стал еще ласковее, нежнее и в то же время требовательнее.

– Тятка? – Девушка повернулась на зов и попыталась разглядеть одинокий и размытый силуэт человека. Кто-то стоял подле заклан-камня и манил ее рукой.

– Отец? – нерешительно отозвалась Ягодка. – Это ты?

– Иди же!

Неизвестно откуда взявшаяся туманная дымка накрыла плотным одеялом уродливый дуб и отшлифованный временем священный жертвенник.

Размытые очертания отца теперь только угадывались. Ключья клубящегося тумана обтекали серую неровную тень, подобно потокам полноводной реки, огибающим древний утес на опасной стремнине.

Ягодка решилась. Ей было страшно, но в то же время нестерпимо хотелось посмотреть на отца или поговорить с его духом.

Знахарке и травнице-ведунье Ягодке казалось, что бояться не надобно, а те частые приступы ужаса, которые накатывали и накатывали, и от которых леденела ее душа, возникали на самом животном уровне.

Она попробовала выдернуть увязшую в иле правую ногу, затем левую – не получилось! Несчастная сирота горько заплакала, но продолжила бороться с трясинной. Утопленники все так же шептались и тянули к ней разложившиеся корявые руки.

– Оставьте ее! – прохрипел чей-то голос. Покойники вздрогнули и заколыхались, стеная и выкрикивая непонятные мольбы.

Ягодка почувствовала, что под ступнями ног забурлил болотный газ – он с бульканьем вырывался на поверхность – вонючий и дурманящий. Теперь топь не удерживала ноги девушки. Ей удалось быстро высвободить сначала одну ступню, а затем и вторую. Переступая мелкими шажками на более твердую поверхность дна, Ягодка постепенно смещалась к заросшему осокой пологому берегу. Настал миг, когда она полностью вырвалась на свободу и в изнеможении упала в прибрежную черную грязь. Туман по-прежнему клубился и даже усилился.

Ягодка лежала на спине и плакала. Она сплевывала попавшую в рот тину и никак не могла успокоиться. В сумбурном вихре мыслей, замешанных на образах мертвецов и неутраченного страхе, девушка оказалась на кошмарной дрожащей кромке, разделяющей Явь и пучину безумия. Подняв голову, она в оцепенении смотрела, как несчастные утопленники уходили обратно в глубину, беззвучно рыдая и отчаянно заламывая страшные руки.

Еще мгновение, и болото вновь поглотило своих вечных постояльцев. Последней исчезла голова ее страшного двойника. В разинутый в немом крике рот хлынула осенняя водица, и призыв Ягодки исчез в безобразном омуте.

– Иди к престолу! – скомандовал хриплый голос.

Измученная девушка с натугой встала и, повинаясь приказу, поковыляла к уродливому трону, на каждом шагу спотыкаясь и запинаясь.

Взгляд искал фигуру отца. Или не отца?

– Кто ты? – прошептала несчастная. – Ты не отец. Мой отец сгорел страшной смертью!

– Ха-ха-ха! – заставил ее зажмуриться презрительный хохот. – Твой отец теперь мой слуга! Он в моей власти!

– Чернобог! – с ужасом прошептала девушка. Она приблизилась к изувеченному дереву и непроизвольно упала на колени, узрев того, кого трепещущая паства называла этим жутким древним именем.

– Да. – Вальяжно развалившееся на троне существо имело людские очертания, но это был не человек. Ранее это божество могло принимать любой облик – то прикинется гигантом-великаном или крупным лесным хищником, а то и обернется всемогущим княжичем. Теперь же противные людишки отвергли старых богов – отбросили, предали, забыли.

С каждым отвернувшимся от него отщепенцем Чернобог все явственнее и отчетливее ощущал слабость и приближающееся бессилие.

Мудрый Чернобог понимал, что совсем скоро его божественные и такие ненавидимые братья и сестры и, конечно же, он сам – бесследно канут в людском беспамятстве. Уже сейчас он пребывал в своем древнем, первоначальном облике. Плотная сухая кожа туго обтягивала крепкие мускулистые руки и ноги, матово-черный цвет тела создавал отталкивающее впечатление, что это не совсем божественное существо, а сгоревший несчастный, почему-то не умерший от ожогов человек. Темные провалы глазниц и раскрытый беззубый рот отталкивали любой посторонний взгляд.

Еще совсем недавно Чернобог приобрел бы вид умудренного столетиями седовласого старца в красной тунике или облик молодого кучерявого мужчины с золотыми наручами и поясом. Несколько десятилетий тому назад он любил представлять перед дрожащим собеседником в виде свирепого дракона или неведомого существа из демонического нижнего мира. Теперь же Чернобог устало восседал на своем жутком троне и не мог без усилий поднять даже руки. Он еще мог нагнать туману или вызвать духов из загробного мира, устроить устрашающее действо с утопленниками, но могущество постепенно иссякало – это удручало, но выход был. Чернобог понял, что может спастись, а для этого необходимо заставить простого смертного человека совершить немыслимое.

Пускай смерды теперь не молятся и не восхваляют его, рассудило божество, но эта тщедушная чернавка с задатками мощной ведьмы принесет ему настоящую жертву! Человеческую! Кипящая и струящаяся по желобкам и канавкам свежая кровь беспомощной девственницы восполнит его силы. Он выпьет с жертвенной чаши предсмертную манну мученицы и восстановит свою мощь на сорок сороков полных лун, а то и поболее!

Смолкли звуки.

Чернобог терпеливо взирал на согнувшуюся в три погибели Ягодку. Бог ждал, когда она поднимет голову и посмотрит на него. Но время утекало, как золотой песок сквозь пальцы, а чернавка по-прежнему молчала, уткнувшись лицом в грязь.

– Встань уже! – прохрипел Чернобог. – Я вижу, что ты страдаешь!

Ягодка недоверчиво и быстро взглянула на живое божество из-под черных бровей, но, испугавшись демонической внешности вопрошающего, вновь отвернулась.

– Не бойся! – Чернобог заерзал на своем троне, как карась на раскаленной сковороде. – У меня к тебе есть дело.

Он нервно выдохнул – от этой начинающей ведьмочки зависела его судьба. Владыка подземного мира все более раздражался.

– Я хочу одарить тебя!

– За что? – шепотом отозвалась Ягодка. – Я ничего тебе не сделала.

– А просто так! – наигранно хихикнул Чернобог. – Ты пришла на мое капище! Считаю, что в гости ко мне пожаловала. А сейчас встань, – он устало отвалился на переплетенную корнями спинку трона и, не скрывая своих сомнений, с сожалением взирал на девушку.

Неужели он ошибся в выборе? Если она так и будет по-прежнему стоять в позе покорности, он передумает и попробует подыскать для исполнения своих замыслов кого-то более сильного и сообразительного.

Но Ягодка удивила – она резво вскочила на ноги и, скрестив руки на груди, как бы отгородилась от жестокого божества.

– Зря! – оценил он защитную позу собеседницы. – Я хочу подарить тебе Божью искру – совершенно бесплатно.

– А что это такое? – Любопытные глазки Ягодки замерцали в сгущающихся сумерках.

– Я разбужу в тебе величайшую ведьму, и внутреннее око заискрит в своем совершенстве и волшебном всеилии.

– А что ты потребуешь взамен? – спокойным тоном продолжила девушка. – Заберешь мою душу?

– Что ты! Что ты! – вскричал Чернобог и успокаивающе махнул рукой. – Зачем мне твоя душа? Ты сама сюда пришла! Ты хотела убить себя и своего еще не рожденного сына! Кто вернул тебя из мертвой топи? Я! Я это сделал! Лукавить не буду: душа твоего сына попала бы в Ирий, но ты была бы в полной моей власти, стена и рыдая сухими слезами в огненных казематах. Но сейчас ты не нужна мне мертвая.

Ягодка всхлипнула.

– Не надо этого делать! – Чернобог поморщился, как от зубной боли. – Ты сама на все решилась, смертная! А теперь хитришь и вопрошаешь меня о судьбе твоей души. Я готов вылепить из тебя величайшую ведьму, которая когда-либо жила на этой земле.

– Ты упомянул про какое-то дело, – шепотом напоявила Ягодка.

– Правильно, упомянул! – Чернобог хохотнул, но получилось как-то коряво и не похоже на смех. – Ты станешь великой волшебницей и отомстишь своей обидчице! Ты же хочешь отомстить?

Ягодка молчала, переваривая услышанное. Владыка мертвых не торопил ее – людишки всегда бесили его своим тупоумием, но в этот раз он хотел, чтобы эта чернавка сама осмыслила его предложение.

– Но ведьмы горят в огне! – воскликнула девушка. – И потом, меня предал Желан! О какой обидчице ты говоришь?

– О красавице Преславе, невесте Желана. Это она – разлучница! Это она во всем виновата! Ну, сама посуди, если бы не появилась Преслава, сильный Желан по-прежнему любил бы только тебя! А эта выскочка все испортила. Вот кому надо мстить!

– А Желан?

– Он будет рыдать над могилой Преславы!

– Я что же, – задыхнулась от страшных мыслей Ягодка. – Должна убить ее?

– А как же иначе-то? – Чернобог почесал шею. – Предлагай другие варианты. Ну, что же ты молчишь?

Ягодка в нерешительности замерла – одно дело кинуться в омут с головой и совсем другое – убить человека!

– Кстати, – кашлянул владыка мертвых. – За это будет тебе другой дар. Не простой, поистине божественный! Ты уложишь Преславу на заклан-камень, а я подарю тебе вечную жизнь!

Теперь пауза затянулась, Ягодка не могла поверить в происходящие чудеса.

– Решайся, Ягода! – возвестил Чернобог. – За всю историю этого мира тех счастливых, которых боги одаривали бессмертием, можно сосчитать по пальцам одной руки. Ты будешь пятая. Это великий шанс для тебя!

– А кто эти люди? – недоверчиво спросила девица.

Чернобог небрежно махнул рукой:

– Геракл, Зиусудра, Гаруда, Психея. Ты их не знаешь!

Ягодка пораженно внимала страшному богу.

– Я бы хотела убить предателя Желана!

– Я не против! – Чернобог нарочито безразлично зевнул и посмотрел на ногти правой руки. – Но только после того, как приведешь на заклятие Преславу. Не забывай, это она лучница!

– Я согласна! – внезапно заявила Ягодка. – Но только боюсь, что не справлюсь.

– Не сомневайся! У тебя все получится – минует половина луны и по всей Красатинке зазвучат дудки и жалейки. Свадьба Желана и Преславы самая первая – ты должна украсть невесту прямо из застолья!

– Да как же это?

– Ты все поймешь, когда примешь первый дар – Божью Искру! Ты получишь власть над водой и воздухом! Прозрешь!

– А как мне все это получить? – Ягода совсем не понимала, что должен сделать Чернобог и как произойдет одарение.

– Подойди ближе, смертная! – хрипло подозвал владыка. Девушка вновь замешкалась, ведь перед ней сидело безобразное могущественное существо, о чьей силе она была наслышана. Она не знала, что произойдет с ней дальше.

– Ну, не стой столбом. Это нужно тебе самой.

Ягодка двинулась вперед, ноги ее едва слушались. Наконец она остановилась в одном шаге от трона. Что он будет делать дальше?

– А теперь преклонись, мне нужно до тебя дотронуться.

Будущая ведьма молчаливо и покорно выполняла несложные приказы Чернобога, задавать какие-либо вопросы стало бессмысленно. Чернобог начал свой ритуал. Он поднял костлявую дрожащую правую руку и вонзил указательный палец Ягодке в грудь, поближе к сердцу. Полыхнула нестерпимая боль. Ягода попыталась отшатнуться, но тело уже готово было разорваться под напором мощнейшего прилива жизненных сил. Адский светоч разгорался в ней. Огненная воронка вращалась внутри тела и души. Дикий страх и колючая боль ошеломили девушку, но уже через бесконечное мгновение Ягодка явственно ощутила трепет собственной души и поразительные перемены в ней. Раньше Ягодкина душа представляла собой тонкую серую нить, готовую порваться от малейшего напряжения, но теперь она превратилась в толстый железный прут – как новая кочерга, которая еще не скоро покроется сажей.

– Я вселил в тебя Искру, теперь ты сможешь сильнее влиять на все сущее. Но Искра – ничто без Прозрения. Без понимания сути происходящего все великие силы будут тратиться впустую. Ты просто ничего не увидишь. Тебе придется потерпеть!

С этими словами Чернобог неожиданно вонзил свой длинный почерневший ноготь указательного пальца левой руки прямо промеж глаз девушки. Ягода завопила от новой внезапной боли. Но Чернобогу до ее криков и подергиваний не было никакого дела, на его морщинистом мертвом лице появилась лишь циничная ухмылка. Ягода этого не замечала: ее глаза наполнились кипящими слезами. Ноготь начал проворачиваться, образуя страшную рану. Струйки теплой липкой крови стекали по носу, губам и подбородку. Каждое мгновение этой страшной муки казалось новоявленной ведьме бесконечным. От нестерпимой боли и перенапряжения девушка начала терять сознание. Прежде чем окунуться в небытие, она услышала очень слабый, но торжествующий возглас.

– Бессмертная! Ты получила свой дар, теперь твоя очередь. Приведи мне невесту!

Ягодка резко раскрыла глаза. Потолок ее родной избышки выглядел довольно хилым. Ягода лежала на печи, накрытая мягким заштопанным покрывалом. Неужели все это было не наяву? Девица начала искать ответы, прощупывая лоб. Чернобог изувечил ее, это страдание Ягода запомнит надолго. Но, вопреки ожиданиям, ни ран, ни рубцов на лице не оказалось.

Неужели все, что произошло на древнем капище, это просто сон?

Девушка села на лежанке и почувствовала резкую головную боль. Голова пульсировала и раскалывалась, охваченное ознобом тело, горело. В таком состоянии и не поработать, и к

людям не выйти. Да и зачем Ягоде теперь эти люди? До сих пор самым добрым чувством, которое они испытывали к ней, была жалость. Она осталась одна-одинешенька в своем старом темном домишке.

Отец Ягодки срубил этот милый домик с резными причелинами, с красивыми загнутыми слемами и аккуратными ставенками, ближе к околице. Папенька почему-то очень стеснялся своей черноглазой жены и ее пышных волос, которые водопадом ниспадали до пояса прелестницы – черные и волнистые. Голубоглазые и русо-рыжие соплеменники злобно зыркали на жгучую и прекрасную чернавку.

«Чужая! Она чужая!» – то шепнет кто-нибудь вслед, то в спину выкрикнет, то из-за угла зашипит желчно. Вот и срубил мастер-плотник дом за краем деревни, но не в лесу. В гуще дикого леса по лету свирепое зверье хаживало, да и осенью по чернотропу, а зимой совсем беда – заметет, завьюжит. Ни дверцу не распахнуть, ни дороженьки, ни прохожего, ни соплеменника не увидишь.

Там, в дебрях не закричит петух, не фыркнет дремлющий в стойле скот, ни запахнет коровьим навозом и отдыхающими пирогами, а вот народец сумасбродный изредка лютует.

Разбойников, бывает, ловят. Затем порубят перед хмурыми ликами деревянных истуканов и, опять восстановится тишь да гладь на две-три луны, а то и на год. Но рано или поздно какая-нибудь мразь обязательно объявится.

Поэтому не ушел папаня Ягодки в самый лес – опасно там. Выбрал местечко у околицы, поставил избу и зажил там с мамкой. Хорошо жил с женой красавицей, топором махал в деревне, поднимался сразу на любую работенку по дереву, не ленился. Вот и достаток – и хлеб, и мясо, и молочко ребенку и луковка зеленая. Нормально жили.

Да и Ягодка подросла – до опушки страшного леса с мальчишками часто бегала. С замираньем сердечка ступала на сухую листву под темными кронами, даже доходила до бурелома. Смелая – не визгливая. Стройная, да ладная росла, глазастая. Одна беда – черная, как смоль! Вся в мать! И волосы, и глаза, а затем и... душа, как оказалось – глубже омота были. Но родители наглядеться на нее не могли, жаль только, судьба слишком рано отняла у Ягодки любовь эту. С их кончиной вся жизнь начала тускнеть, как потрескавшиеся бревна сиротской избы.

Не отрываясь от своих мыслей и воспоминаний, Ягодка заметила единственную жизнь в своем стареньком домишке: паук плел ажурную паутинку в уголке под самым потолком. Что-то было не так, паучишка излучал какое-то тепло, свет, которого она не видела раньше.

«Видимо это и есть Прозрение!»

Прежняя слабость отошла на второй план, Ягодка сосредоточила все свое внимание на крошечном создании в углу. А раз есть прозрение, значит, есть и сила, решила она.

Одним лишь взглядом ведьма ощупала хрупкие паучьи ножки, голову, мохнатое брюшко, этим же взглядом она ткнула в мелкое паучье сердце. Ягода воочию увидела, как лучик жизни, исходивший от бедного насекомого, резко оборвался. Паук упал на шершавые половицы и замер навсегда.

Губы Ягодки медленно растянулись в тонкой улыбке.

«Теперь очередь Преславы».

Глава 3. Две невесты

За те две недели, прошедшие после странного пробуждения, Ягода научилась многому. Она откровенно радовалась каждому открытию. Нет, она не вращала каменные глыбы в воздухе и не метала молний – это ей было не дано, но и то, что удалось распознать в круговерти новых возможностей, восхищало юную ведьму.

Какая же она была дурочка!

Всего-то простое варево – сбор из разных трав, перьев, волос и прочих мелочей мог сотворить настоящее чудо! Нужно всего лишь вложить в него свою веру и произнести заклятье. А как придумать заклинание? Да вложить в слова свои искренние пожелания.

Ягода училась очень быстро и с огромнейшей страстью. Она видела, чувствовала настоящую силу своих зелий и опытным путем достигала их совершенства. Ведунья обнаружила, что если часто шептать над зельем заветные слова, то эффект сохранялся гораздо дольше. Но если вовсе это дело забросить, зелье обратится в обычную мутную мерзость. За столь краткий срок она создала зелье сна, такое крепкое, что спящий не проснулся бы без ее желания, зелье внушения, отвода взгляда и слеза. Самым ярким ее опытом на то молодое время стало зелье одухотворения.

Зелье Одухотворения

Пепел (символ смерти).

Куриный желток (символ новой жизни)

Цветок амаранта (символ бессмертия)

Бабочка (символ души).

Измельчить в ступке сушеную бабочку и цветок амаранта до состояния порошка. Довести воду в котле до кипения, опустить в нее ингредиенты, указанные выше, в строгой очередности. После погружения всех ингредиентов прошептать над поверхностью зелья: «Да живити животный, от какой бы окказии он не врежден. Пусть бытует стреблим, да вдушати душа опачев плоть доиспаль веков».

Шептать зелью ежедневно. Хранить в темном прохладном месте.

Все эти «напитки» девушка изготавливала не по наитию, а с конкретными задачами. Зловещий план обрастал все новыми и новыми деталями!

Молодая ведьма уже имела опыт в приготовлении лечебных отваров и простейших снадобий. Деревенские знали об этом и иногда хаживали к околице, покупая сначала у матери, а потом и у самой Ягоды настои и прочую знахарскую снедь. Да мало ли что бывало: то дите захворает, бабешка какая раньше сроку рожать начнет, то мужика какого кабан порвет в чаще, то дурачок сам себе вилы в ногу воткнет на покосе.

И Ягодка старалась – помогала народу, ну и что там греха таить – кормилась от лечения хворей и напастей людских.

Теперь же она прозрела. Кашеварила с утра до вечера – вился, вился черный дымок над старой резной крышей избушки. Теперь деревенских она не привечала – а зачем? Они все здесь злые и тупые, особенно девки!

Ведьма ухмыльнулась своим мыслям и, помешивая заветное зелье одухотворения, зачерпнула деревянным половником готовое варево. Ягода повернулась к полкам, где у нее стояли глиняные горшки и крынки, неловко потянулась и опрокинула черпак с волшебной жидкостью на пол закопченной светлицы. Чуть ноги не ошпарила! Слава Чернобогу – все обошлось. Снаружи гроыхнули ставенки – наверное, это ветер! Ведьма прислушалась, пытаясь

уловить человеческие шаги, но слышала только завывания сквозной тяги в трубе печи – предвестника смены погоды. Ягодка недовольно покачала головой и продолжила работу над свежим отваром – она знала, что еще надобно нашептать пару мерзких мыслей, навеянных сквозняком. Надобно, надобно! Тогда зелье уродится забористым и мощным. Это правда!

В волнениях и экспериментах миновала ночь перед свадьбой. Ягода не сомкнула глаз. Она ругала себя за это, но сон не шел. Даже прилегла и ворочалась, но утро проклюнулось розовым востоком и рьяно заорали первые петухи. Немного полаяли собаки и снова угомонились.

Злоумышленница вышла на двор и посмотрела ввысь.

Солнце еще не виднелось на небосклоне, но было очень тепло и даже немного душно. Ягодка уже знала, что к вечеру с заката подойдут тучи и начнется затяжная дождливая осень. Еще она знала, что сегодня начнется полнолуние и это тоже радовало мстительную душу ведьмы. Сегодня! Все произойдет именно сегодня!

Ягодку подташнивало, но она разделась донага и, босая и простоволосая, пришлепала к переполненной кадке с дождевой водой. Она чувствовала, как непривычно налились ее полные груди, и затвердел живот. Дите в чреве еще не дрыгалось, но девушка уже инстинктивно понимала, что скоро станет матерью.

Молодая ведьма с головой окунулась в черном зеркале воды. Она полоскала свои волосы, омывала лицо, шею, гибкий стан, сильные бедра и ступни ног.

Красный сарафан матери лежал там – на сундуке в светлице избушки, дожидаясь, когда придет и облачится в него новая хозяйка.

Сегодня свадьба Желана и Преславы! Она готова поздравить молодых!

Гнев и жажда переполняли пульсирующую душу ведьмы. Ведь сначала была серая молчаливая обида и тупая безысходность, но сейчас...

Жуткий гнев душил и омрачал свет, а жажда...

О! Это была не простая жажда! Это была жажда крови! Подспудное, переходящее в Явь, взалкавшее желание соленной и такой горячей крови, а также страдания и смерти.

– Это он! Желан! Желан Радимович! Предатель! – нагнетала в себе ярость отверженная. – Но первой суждено умереть на заклан-камне ей, разлучнице Преславе! Это ее алая кровушка потечет ручейком по желобу Чернобога! В честь его! В его славу! Потечет! Потечет!

Ведьма захохотала. Сначала неуверенно, но с каждым следующим судорожным вздохом все громче и страшнее. Это смеялся уже не человек, хотя еще и сохранявшее людской облик существо!

Голая и гибкая она бегом вернулась в избушку.

Сегодня свадьба! Она устроит им настоящий праздник!

Ягодка надела мамино платье и расплела свою косу. Теперь она походила на настоящую невесту. Красный сарафан с белой вышивкой сидел на ней великолепно, а черные, ниспадавшие до пояса волосы, выигрышно обрамляли силуэт. Правда, лицо было какое-то не совсем свадебное. В котомке уже лежали заветные бутылочки и свадебные ленты. Прежде чем переступить порог избы, невеста залпом выпила одну из колбочек и прошептала что-то себе под нос.

– Свадьба, – шептала она. – Сегодня...

На свадьбу съехались почти все жители соседней деревни. Поэтому на улице встречалось все больше новых лиц. Такие же русые и голубоглазые – все радовались за Преславу. Девушка готовилась к свадьбе в избе Евдокии, сестры Желана. Хоромы были не очень большие, но уютные. Кованый сундук стоял на красивом самотканом половике, неподалеку на небольшом грубоватом столике лежали пальца с неоконченной вышивкой.

На улице стучали топоры – мужики готовили столы и лавки. Волнение невесты росло и, вместе с ним в душе девушки вибрировала невнятная тревога. Преслава плакала, боясь буду-

щего, плакали и подруженьки, наряжая невесту. Иногда в светлицу забежали толстые бабы, улыбались во весь рот, громко бестолково хлопотали и устремлялись на кухню.

Деревня бурлила! Ожидали дорогого гостя – посадника смоленского. Радим, отец Желана, выхаживал гордый – честь! Честь великая! Ни к каждому ремесленнику посадник за стол усядется! То-то!

Приближался полдень, а значит, и начало торжества!

Ягода накинула на красный сарафан заношенную сермягу и на голову с уже вплетенными лентами – невзрачный платок. Она не хотела раньше времени привлекать к себе внимание людей, да и зелье, которое она выпила, отведет чужое взор. Отвар получился хоть и противным, но не сильным. Ягода знала, что рецепт не полный, а надо-то всего – добавить капельку сока белены, и тогда она смогла бы усыпить внимание сотен людей. Ничего, ничего – она все позже исправит. Оглянувшись без сожаления на отчий дом и пошла к центру деревни, туда, где уже стоял шум – гудел народ и, не переставая, гудели жалейки. Там ржали лошади и гоготали мужики – прибыли дорогие гости.

Молодую ведунью охватила нервная дрожь.

Тем временем на уродливом троне близ гнилых болот материализовался Чернобог. Согбенная фигура воззвала:

– Шурин мой! Метатель молний, откликнись, Перун! Я знаю – ты меня слышишь! Отзовись – это в наших общих интересах!

Чернобог позвал негромко, но со стороны дальнего берега гнилых болот на капище надвинулась плотная серая туча. Низкие облака цеплялись за верхушки деревьев урочища, но дождя не было. Небесный вихрь закрутил, заиграл ветрами, как будто наслаждаясь треском вековых дубов.

– Шурин? – оглушил его громогласный небесный вопль. – Ты назвал меня шурином? Ты, изгой Ария, царь теней и червей Нижнего Мира всегда насмеялся надо мной, а теперь у тебя хватило наглости звать ко мне!

– Перун, – прохрипел Чернобог. – Перун! Я помню наши с тобой дела, понимаю обстановку и все такое. Мы с тобой и твоим замечательным папенькой долго швыряли друг в друга молнии и огненную лаву, морозили пустынным холодом и прочее, но я женат на твоей сестре и, почитай, родня тебе. Вы, небожители Ария, погрязшие в гордыне и брезгливой снисходительности к низшим, чужим и убогим, совсем не хотите замечать, что весь этот мир изменился. Скоро нас всех ждет страшная участь, а вы не желаете направить свои взоры на эту беду. Ты помнишь древних богов? Даже ты забыл их! А я их помню, потому что в Нижнем Море иногда стенают неуспокоенные души страшных предтеч-великанов. Кто-нибудь кроме меня помнит о них?

Чернобог сменил позу на своем деревянном троне и сам ответил на свой же вопрос.

– Нет! Их никто не помнит. Они исчезли! Их нет, и уже давно. Только обрывки воспоминаний об огнедышащих драконах – несправедливых и грозных.

Чернобог перевел дух, откинулся на спинку трона и устало промолвил:

– А теперь и нас забудут. Мы, подобно драконам, канем в пучину без вести и там, в беспомощном бессилии растворимся в сером ничтожестве.

Туча стронулась, полыхнув заоблачной вспышкой, и возвестила:

– Я вечен! А ты умрешь. Меня будут помнить тысячелетия, а тебя нет.

– Глупец! – перебил Перуна Чернобог. – Ты ошибаешься! Тебя забудут тоже, причем раньше меня! Так же, как и тех мерзких драконов. Чуть позже, но забудут. Ты чувствуешь охватившую всех нас слабость? Ты чувствуешь это? Совсем скоро ты, громовержец, не сможешь высечь даже искры.

Чернобог замолчал, чувствуя, что малость перегнул палку, обозвав великого бога, но Перун неожиданно мирно ответил:

– Я чувствую появление нового бога. Он невероятно силен, и он не наш. Он еще не обрел полного могущества, но сила его возрастает с каждым новым верующим, с каждым приобретенным смертным.

– Так помоги же мне!

Теперь Перун не ответил.

Чернобог кашлянул, как готовящийся к ответу нерадивый ученик перед строгим экзаменатором и продолжил:

– Слушай, я тут одно дельце затеял. В случае успеха мы будем в фаворе на сорок сороков лет, но мне нужна твоя помощь.

Что-то в туче всколыхнулось, но ответа вновь не последовало.

Чернобог смотрел в небо, откуда начали сыпаться крупные капли дождя.

– Ну, хватит! Ты там плачешь что ли?

Чернобог с раздражением повернул голову в сторону и рассерженно поджал губы.

– Мне многого не надобно. Одной, двух прицельных молний, я думаю, будет предостаточно. Или ты уже настолько ослаб, что способен запускать лишь дальние зарницы.

– Ты хочешь урагана?! – прогреготало небо.

– Тьфу ты! – Чернобог криво усмехнулся. – Этак можно любое щекотливое дело испортить. Внезапного холодного дождичка и прицельного удара молнией в ключевую фигуру будет вполне достаточно. Хотя...

Чернобог задумчиво подпер левой рукой уродливый подбородок и замолчал. Ему пришла на ум шальная мысль, что если Ягода вдруг не справится, то можно и ураган напустить. Вот только людишки не такие уж и дураки, они спрячут детей и девушек за стены столетних теремов, и тогда Ягодке будет крайне трудно осуществить задуманное.

– Я согласен, – прогреготало небо.

– Только невесту с женихом не трогай. – Чернобог почесал кадык и пояснил: – Преслава нужна мне, а Желана я ведьме пообещал. Так что придется постараться их не зацепить – прояви уж смекалку, великий бог!

– Договор! – громыхнуло поднебесье.

– Договор! – ответил Чернобог, довольно потер ладони и хохотнул. – Вот теперь действительно все зависит от ведьмы!

Ягодка приблизилась вплотную к торжеству. Она стояла в толпе зевак и рассматривала красный сарафан невесты с большого расстояния – конечно же, ей никто не уступит своего места за свадебными столами, где восседали в основном бородатые мужчины и редкие знатные женщины поселения. Да и не нужно ей этого. Она знала, зачем сюда пришла, и ее время еще не настало. Молодой ведьме щемило душу от радости, что ее никто не замечает.

И вдруг она увидела медведя!

Косолапого обитателя дикой чащобы вели на веревке двое потешников. Они гудели в желейки и подергивали за толстую веревку одетое в косоворотку пьяное животное. Он покорно припрыгивал за ними и смешил простой народ нелепыми поклонами. Видимо медведя нарочно опоили медовухой.

Ягода ахнула от такого удивительного везения.

– Вот он, мой верный помощник, – прошептала она и, сомкнув уста в тонкую нитку, с презрением наблюдала, как скоморохи с намалеванными свёклой щеками унижали хозяина славянских лесов.

– Потерпи, милый, – крикнула ведьма.

Никто не обратил внимания на выкрик девушки. Смеялось и кричало много народа – праздник! Но медведь встал, как вкопанный и рыкнул в ответ. Ягода улыбнулась. Услышал! Услышал!

Сердце стучало в груди, ведунью бросило в пот, ведь она решилась на самое страшное. Но постепенно Ягода взяла себя в руки. Обратного пути не было, и она это отчетливо понимала. Она лучше умрет, чем не выполнит поручение Чернобога.

Преслава смиренно опустила глаза долу. Свадьба гуляла и шумела. Невесту смущали жаркие взгляды княжеского посадника. Эти его откровенные, бесстыжие взгляды жгли огнем. Невеста застыла как каменное изваяние, боясь пошевелить даже мизинчиком. О том, что бы попробовать пряник или попить воды, не могло быть и речи.

К тому времени Желан уже опрокинул три чарки медовухи и, от этого Преславе становилось еще страшнее.

Гости гудели, хохотали – бородатые мужики хлопали друг друга широченными ладонями по натруженным спинам. Все были пьяны и веселы. Грубо сколоченные столы ломились от угощений. Изысков не было, но дичи, рыбы, каш и хлебов хватало. Женщины тянули тоскливую песню. Получалось у них не очень красиво и вразнобой, и вдруг раздался зычный голос кузница Радима:

– Спой, Преслава! – Все песни сразу затихли, смолкла свадьба. – Спой, певунья для своего молодого мужа – моего сына!

Радим с гордостью посмотрел на Желана и, обернувшись к народу, крикнул:

– Видали? Все знают моего сына! Силен, сноровист, лучший кузнец! Все об этом знают!

Жених от таких слов приосанился, выпячивая грудь колесом, зыркнул глазами на свою невесту, мол, слыхала, о чем тятя говорит! То-то же!

Скромница Преслава молчала.

Чья-то нетвердая рука наливала пьяную пенистую медовуху в чарку шатающегося Радима. Хмельной напиток расплескался через край. Липкая жидкость попала за шиворот и спины ближайших мужиков. Те вскинулись, незлобиво закричали, дружки жениха заржали, как дикие кони.

– Тихо! – голос Радима перекрыл шум вновь заголосившей свадьбы. – Пой, Преслава! Пой!

Невеста робко покачала головой – она не хотела петь – боялась этих пьяных бородачей, а более всего – своего будущего свекра и, конечно же, Желана, своего суженного.

– Пой! – угрожающе заклокотал Радим.

И Преслава сдалась – начала, как всегда, робко и тихо, но с каждой новой строкой голос ее крепчал, и уже скоро ни одна живая душа не могла оторваться от чистого девичьего напева о ярком солнышке, о любви птахи к небу, о переживаниях красной девицы на выданье.

– Прощайте родненькие тятя и мама, прощайте милые сестры! Ухожу в чужой дом, в чужой род! – пронзительно пела она.

Гости заворуженно вслушивались в заунывный тягучий плач. Все боялись вспугнуть сотканный юной невестой прекрасный и трагический образ пойманной в силки птицы. От хрустального, удивительной красоты голоса даже у суровых крестьян подкатывал к горлу ком, бабы плакали, вытирая цветастыми платками слезы, сердобольные девки подвывали.

Преслава выдохнула и с последним ее напевом на свадьбу обрушилась гробовая тишина. Все потрясенно молчали – даже подвыпивших мужчин проняло, но скоро зашевелились, заохали, завздыхали.

– Чай не на поминках! – крикнул Радим и бросил хмурый взгляд на сына.

А гордый Желан с поджатыми уголками губ в полуулыбке, в полуоскале снисходительно взирал на гостей и родичей:

– Видывали? Какую я себе в жены певунью-молодуху добыл? Сокровище!

Свадьба вновь загудела.

Радим хоть и был свекром, а не женихом, но чувствовал себя на вершине славы. Хмельной и самодовольный он стоял между двух длинных столов и откровенно радовался своему

успеху: сына женил на красавице, серебришко в коше водилось, родичи признавали его главенство, и вот даже посадник приехал. Почет! Великий почет!

Кто-то сильно и настойчиво дернул его за расшитый петухами рукав праздничной рубахи. Радим нахмурился в усы и медленно повернулся к этому неучтивому к его значимой персоне человеку.

– Кто посмел? – рыкнул он.

– Ты, Радим, чего распоясался-то? Кхе-кхе. Забыл наш с тобой уговор? Посадник за твоим столом скучает, а ты бахвальством упиваешься!

Седой староста Красатинки горячо нашептывал в покрасневшее ухо Радима, неприятно брызгая слюной на шипящих звуках:

– Главное! Главное скажи! Не запамятовал, поди что?

Шатающийся Радим наконец-то нашел в себе силы оттолкнуть от себя назойливого слепня-старосту.

– Не забыл я!

Радим повернулся к своим сватам и крикнул:

– Налейте мне чарку! Слово молвить буду! – новоиспеченный свекр заметил вскинувшиеся в любопытстве брови молодого посадника и нарочито торжественным голосом возвестил. – Слава новому богу!

Радим не к месту икнул и в полголоса добавил:

– Как там его, бога-то этого, зовут?

Застольные гости заволновались. Сельчане поняли, что Радим хочет подмазаться к посаднику и его людям.

– Вот! – протянул он. – А старым богам смерть!

Народ возбужденно зашептался, даже последовали протестующие выкрики, но недовольных быстро приструнили.

– Богохульство! – отчетливо выкрикнул древний старец, который посиживал в сторонке на полешке. – Не гневи Перуна, сына Сварога, покровителя кузнецов!

Радим в ответ хохотнул.

– А что мне делается-то? Были бы Перун и его папенька на самом деле – не стоять бы мне тогда на этом месте! Кузнецы испокон века отпращивали им мольбы! И где же нам от Перуна Сварожича толк и талант?

Вдруг ехидная улыбка сползла с лица Радима, которого многие уважали и даже справедливо побаивались его взрывного нрава. Кузнец залпом выпил налитую чарку, перевернул вверх дном и на вытянутой руке продемонстрировал ее гостям и зевакам. Он задрал бородатый рыжий подбородок и, глядя в голубую высь, заорал:

– Смерть старым богам! Смерть Перуну и его семени!

А затем начался настоящий кошмар, который ни словами описать, ни рунами на камне высечь!

Небо треснуло! Обычное осеннее небо, пронзительно ясное и прозрачное до этого не предвещало непогоды. И вдруг небольшое еле заметное облачко возникло над пирующими. Его даже никто не увидел, но в тот же миг, когда хитрый Радим провозгласил свое проклятие, раздалось ужасающее гроыхание и нестерпимо яркая, ломаная и ослепляющая молния с непереносимым грохотом ударила в новоиспеченного свекра-богохульника!

Обугленный труп, все еще поднимая загоревшуюся от жара деревянную чарку, начал понемногу заваливаться на бок, и вот уже останки Радима упали на землю.

Все закричали!

Ягода усмехнулась – она уже находилась за спиной невесты, выбрав удобную позицию для активных действий, и все сразу поняла: «Это знак! Вот оно что! Пора!»

Ведьма спохватилась, нашарила в котомке прямоугольную синюю бутылочку из мутного константинопольского стекла. Достала, открыла зубами тугую пробку. После этого начала выливать тонкой струйкой мутную жидкость в пыль земли и нашептывать заклинание «Взъярись ветер»:

– *Вихрь могучий! На пособьство ми смети нявьсямо, клищовой, ваганись телами ниховыми безместными. Взвейся ветр, яви все могутство свое охлам похабым!*⁴

Неожиданно повеяло сквозняком, а затем все сильнее и сильнее задул северный ветер и, вот закрутился зарождающийся вихрь, еще слабый, но набирающий мощь. Толи опыта у ведьмы не хватило, толи ведических сил, но возникший посреди свадьбы вихрь так и не перерос в смерч.

Люди, и без того опешившие от внезапного смертоубийства кузнеца Радима, от ужаса близкого грома и ослепляющей вспышки молнии, так и не успели прийти в себя, как новая напасть навалилась – хлестанула пылью в глаза. Гости заваливались на спины и падали с лавок, вихрь сбрасывал наземь крынки и кувшины, смешивая пыль и песок в тугие плетки. Он хлестал по живым и развеивал пепел сгоревшего свекра. Треск воздушной воронки перекрывал любые другие звуки.

Теперь Ягода стояла за спиной Преславы и нарочито строгим голосом провозглашала заговор под названием «Медведь-слуга»:

– *Соотложи, заколанный зверь, ретязисвои. Растерз местников бессердечных. Вгаждай ми во имя леса и отрады твоей. Наповай!*

Последнее слово она практически выплюнула. За гулом бесновавшегося вихря ее никто не услышал. Кроме него... Медведь тоже страдал от настигнувшей его пылевой бури, но внезапно выпрямился на задних лапах и зарычал. Он совсем по-человечески шарил взглядом, оборачивался, искал источник чужой воли и... наконец-то их взгляды встретились.

Ягода улыбнулась зверю и кивнула.

Медведя грубо дернули за веревку, намотанную ему на шею. Два скомороха почувствовали изменение настроения зверя и пытались его приструнить. Они кричали на него, при этом один из них лупил его палкой по хребтине, но медведь неотрывно смотрел на хозяйку.

Ягода почувствовала власть над диким зверем, прищурилась и показала, своему слуге царапающий жест. Обычно такими движениями домашние коты точат когти, но оказалось, что косолапый все прекрасно понял. Он мгновенно развернулся к своему обидчику с палкой и резко ударил когтистой лапой. Длинные суровые когти разорвали заткнувшемуся на полуслове потешнику шею и разодрали грудную клетку. Второй скоморох выпустил от ужаса пеньковую веревку, захотел крикнуть или убежать, но не смог даже сдвинуться с места – закашлялся от пыли и песка. А медведь, не опускаясь на передние лапы, урча и взрыкивая от запаха свежей крови, доковылял до второго мучителя, обхватил его лапищами, повалил на землю и, укусил в лицо. Человек под весом разъяренного медведя панически дрыгал ногами, но спустя мгновение затих и распластался, приняв страшную смерть.

Медведь оторвался от своей жертвы, поднял окровавленную морду и вновь посмотрел на свою хозяйку.

Возбужденная молодая ведьма выставила вперед указующий перст правой руки на Преславу и эмоционально скомандовала строгим шепотом:

– Это она! Тащи ее в лес!

Сильный медведь повиновался – стремительно рванул к главному столу свадьбы. Пользуясь природным чутьем и перейдя на галоп, он легко обошел эпицентр вращающейся воздушной и по-прежнему оглушающей воронки.

⁴ Здесь и далее заклинания Ягоды написаны на старославянском языке в современной русской транскрипции без перевода и внесения изменений (Прим. автора).

Преслава, ничего не понимая, хлопала длинными ресницами. Удар молнии, смерч, грохот, вопли – все смешалось в ее голове. Но вдруг возникшая перед ней окровавленная морда хищного зверя положила конец волнениям невесты – она ахнула и провалилась в глубокий, но не спасительный обморок.

Под прикрытием суматохи медведь схватил обмякшую невесту и, в последний раз зыркнув на стоящую рядом ведьму, поскакал на трех лапах в сторону околицы и манящей синевы такого близкого Молохова урочища.

Ягода проводила взглядом своего хищного помощника и, заметив, как волокутся ноги Преславы по жухлой траве, ухмыльнулась:

– Теперь не гулять ей по росе розовыми пяточками...

Ведьма начала действовать – похоже, ее план все-таки двигался к успешному завершению, но надобно было продолжать – замысел все еще висел на волоске. Она быстро сбросила с себя старые лохмотья и серый платок. Стройная и прекрасная, в приталенном красном сарафане, опоясанная плетеным кожаным пояском, Ягодка осмотрела черными, как смоль глазами перевернутые вихрем столы и торжествующе уселась на место невесты.

– Теперь я буду вашей невестой! – хохотнула ведьма.

Глава 4. Погоня

Как она мечтала об этом! Еще совсем недавно – даже не миновала одна луна, а как все изменилось. Это она, а не выскочка Преслава, должна была восседать рядом с Желаном! Мстительные чувства по-прежнему шипели в темной душе молодой ведьмы, но теперь все эти желания остались за кромкой договора с Чернобогом, там, навсегда. Она спокойно взидала на затихающий, вызванный ее колдовством вихрь. Иногда пробегали какие-то люди. Они размахивали руками и хватались за головы, хлопали себя по коленям и приседали. Паника продолжалась, но никто не смотрел в глаза поддельной невесты. Зелье действовало! Все смотрели на красный сарафан и успокаивались: невеста жива и здорова, вон, посиживает за столом, как ни в чем не бывало, даже пряник взяла.

И вдруг ситуация изменилась. Смоленский посадник, оглохший и грязный, трясая пыльной шевелюрой и грязной бородой, выполз из подстоля и зычным голосом скомандовал семи дружинникам, которые прибыли вместе с ним на свадьбу в качестве охраны:

– Верислав! Где ты, лучник? Бешеный медведь кого-то в лес потащил! Догнать и убить зверя! Быстро!

Ягода нахмурилась.

Облаченный в кольчугу крепкий дядька с сединой в бороде на бегу поклонился мнимой невесте и подскочил к своему начальнику. Осмыслив приказ и не проронив ни слова, он сразу метнулся к старому сараю, где ратники оставили своих лошадей и оружие под присмотром часового.

К удивлению Верислава, лошади стояли в испарине и шарахались от любого шороха. Накинуть седло не получилось. Опытный воин не стал тратить драгоценного времени, схватил лук и колчан. Сноровисто перемахнув через бурьян и пробежав три огорода, он заметил далекую фигуру медведя, который уронил свою добычу на тропинку возле крайней хаты Красатинки.

– Тяжелый выстрел! – посетовал лучник, отрыгнув хмельной брагой.

И тем не менее Верислав ловко извлек из колчана крепкую стрелу с каленым наконечником. Острая грань сверкнула на солнце, и скрипнувшая натянутая тетива боевого лука засвистела от напряжения. Лучник, прищурив глаз, некоторое время выцеливал бурюю спину хищного зверя. Медведь удобно повернулся к ратнику левым боком, и воин решился: отпустил тетиву. Стрела свистнула и ушла точно в цель. Верислав медленно опустил древко лука, с тревогой провожая взглядом оперенную глухаринными перьями стрелу. А стрела по дуге приближалась к своей жертве. Удачливый лучник видел, как летучая смерть воткнулась в бок медведя и сбила его на землю.

«Так!» – удовлетворенно промолвил воин, но смертельно раненный хищник удивил – он внезапно вскочил, взвалил девушку, одетую в красный сарафан, и поковылял к околице, до которой, как оказалось, было рукой подать. Лучник быстро достал новую стрелу, натянул тетиву, но стрелять второй раз не решился – он мог попасть в невесту!

«Это же Преслава! – выдохнул Верислав. – Это же она! Медведь схватил невесту!»

Лучник вернул стрелу в колчан и, выхватив недлинный меч из ножен побежал за медведем. Но раненый хищник, видимо, потерял много крови, потому что быстро сдал и вскоре снова выронил бесчувственную невесту, уткнулся окровавленной мордой в заросли крапивы и, дернувшись, издох. Навсегда.

Ведьма не стала ждать. Свадьба, деревня и бывшие соплеменники ее больше не интересовали. Этот, по всей видимости, опытный воин, который кинулся догонять ее косолапую слугу, мог все испортить. Конечно, где-то здесь оставался Желан, но Ягода решила покончить с ним позже. Главное – не упустить Преславу!

Ведунья выждала несколько мгновений и не без сожаления покинула место невесты. Она пристально смотрела на посадника, опасаясь, что он обратит на нее внимание, но все обошлось. Посадник, шатаясь и закрывая рану на голове – видимо, кожу рассекло осколком глиняной посуды, когда бушевал вихрь, – ушел, разыскивая оставшихся ратников своего отряда.

Ягода шла спокойно и опустив голову. Какая-то пробегающая баба окликнула ее, назвав Преславой, но сразу исчезла с причитаниями и воплями.

Ведьма с облегчением выдохнула и ускорила шаг. Там, позади, умолкла вихревая воронка, и теперь о ней напоминали только вопли и плач.

– Хороша свадьбка! – хихикнула Ягода. – Удалась на славу!

Теперь она бежала, размахивая локтями. Ягода пожалела, что не накинула на себя старую одежду, но котомка по-прежнему болталась у бедра. Молодая ведьма, не останавливаясь, свернула на тропку, петлявшую между огородами, и задами пробежала к околице. Справа увидела родную крышу избышки, а дальше почти у самого дальнего столба околицы заметила лучника, который только-только подошел к мертвому медведю.

– Не зря, не зря поторапливалась! – выдохнула Ягода и остановилась как вкопанная. Она заметила, как ратник опасно ткнул медведя мечом и убрал клинок в ножны, а затем подал руку дрожащей Преславе, помог ей встать и обнял трясущуюся девушку за плечи, видимо, пытаясь успокоить и утешить.

Ягоде повезло – ни лучник, ни украденная невеста пока ее не замечали. Заросли крапивы и пожелтевшего бурьяна хорошо скрывали вошедшую во вкус ведьму. Теперь она кралась за высокой травой. На открытом месте поднялась во весь рост и, ступая медленно, медленно, с опаской, вполголоса принялась нашептывать новое заклинание «Закипай вино»:

– Буриться вино во ворожбительстве чреве опийцы. Души, выворачивай плоть негово. Шпарь врением своим черменным. Жигай недруга изнутри!

Лучник Верислав хотел что-то ласково сказать Преславе, ободрить и успокоить, но вдруг выгнулся и закашлялся. Он почувствовал, что с ним происходит что-то ужасное, но не мог понять, что именно. В животе забурлило, к горлу подкатила тошнота.

– Вино что ли плохое попало? – прохрипел мужчина и, отстранив невесту, отвернулся. Рвотные позывы усилились, потекли слезы из глаз, поэтому возникновение перед ним еще одной девушки в красном сарафане поразило ратника. Эта, вторая невеста тянула к нему руку и плавно рисовала в воздухе круги указательным перстом, будто бы помешивала бурлящее варево.

Ужасная боль скрутила опытного воина, он сначала согнулся, а затем упал на руки и, завалившись на правый локоть, покатылся по осенней траве – невыносимый жар выжигал внутренности.

И вдруг он все понял! Все, все! Эти ужасные зловещие, которые обрушились на несчастную свадьбу – дело ее рук, ее прихоти, ее воли! Это она, чернавка-ведьма, во всем виновата!

Поверженный воин попытался схватить Ягоду за ногу, но ведьма ловко отскочила и вновь решила не тратить на ратника драгоценное время. В любой момент могли появиться новые преследователи, а к столкновению с группой обозленных врагов молодая ведьма еще была не готова.

Раскинув руки, как лесная злодейка, ведьма подскочила к отшатнувшейся от нее Преславе. Девушка боролась с желанием вновь упасть в обморок, но страшная Ягодка была совсем рядом, и ее искаженное до уродливости лицо, было практически не узнаваемым.

– Молчи, сучка! – зашипела ведьма и, схватив за талию беспомощную девушку, потащила ее к близкому лесу. Преслава не сопротивлялась. Размазывая слезы по лицу, несчастная девушка шла с этой страшной ведьмой, как козленок на заклание. Иногда ужас сковывал ноги

Преславы, тогда она замедляла ход, но бдительная ведьма сразу ударяла ее кулаком и тащила дальше.

Желан вытер кровь рукавом и, приподнявшись с земли, закрутил головой в поисках своей суженой. Его взгляд метался по сторонам. Красного сарафана Преславы нигде не было. Свадьба в панике металась. Гости кричали, бабы голосили, как на погребении, мужики хмуро перекликались.

Черные круги от вспышки близкой молнии все еще плыли перед глазами Желана, когда следующий пыльный вихрь швырнул в его голову кувшин с вином. Молодой жених вспомнил, как страшно сгорел его отец и, вздрогнув, покачнувшись – ухватился ручищей за край массивного дубового стола, громада которого устояла перед разгулом рукотворной стихии.

– Где Преслава? – утробно прорычал он. – Где невеста моя?

Никто не ответил.

Желан заметил своих дружков: губастого Лукьяшку, лопоухого Власия и рыжего Гордейку. Несмотря на приключившиеся трагические события, троица шалопаев развлекалась тем, что, пользуясь всеобщей неразберихой, теребила двух визжащих девок.

– А ну, подь сюды! – махнул им Желан. – Хватит баловать!

Парубки с сожалением отпустили конопатых пленниц и подбежали к своему вожаку. Лукьяшка и Власий при этом глупо улыбались, а рябой Гордейка сытно отрыгнул медовухой.

И тут Желан увидел такое, что даже протер глаза. То ли двоится, то ли мерещится.

Там, за дальней избой деревни мелькнули два силуэта в красных сарафанах!

– Разом! – крикнул жених своим дружкам и рванул вперед, перепрыгивая через шевелящихся и кашляющих гостей. – Невесту украли!

Этот крик подхватили односельчане: бабы заголосили еще больше, а мужики заругались и заворочались в пыли.

– Невесту украли! – кричали вразнобой гости.

Желан и его дружки на ходу вырывали колья из ближайшего тына. Ватага любопытных мальцов устремилась за преследователями.

– Там! – кричали они. – Там!

Вооружившись, преследователи ускорили ход. Желан, с перекосившимся от злости лицом, бежал чуть быстрее своих дружков. Он летел по дорожкам и переулкам Красатинки, не сворачивая и не огибая тропки, ломился по прямой, и его ватага не успевала за своим предводителем. Гордейка вообще приотстал, но продолжал бежать за своими.

Достигнув опушки леса, Ягода встала как вкопанная. Растрепанная Преслава налетела на ведьму и, всхлипнув, остановилась. Яга сузила глаза и резко повернулась в сторону человеческого поселения.

Мелькнула родимая избушка, но справа, там, где бревна околицы завалились в увядающее октябрьское разнотравье, ведьма ощутила преследующих ее людей. Волнение вновь охватило Ягду – среди этих мерзких сельчан был он – предатель Желан.

– Хорошо, – зашипела ведьма и, дернув за белую, как мрамор, руку плененной невесты, потянула ее в сумрак страшного леса. – Он идет за тобой!

Ягода нервно захохотала.

– Пусть! Пусть идет на свою погибель.

Желан перепрыгнул кучу брошенного хвороста и оказался совсем рядом.

– Быстрее, дрянь! – прикрикнула на пленницу ведьма и призадумалась. – Желан сильный и быстрый. И он не один. Она не сможет уйти с этой слабой девкой.

– Если упадешь – убью, – эмоционально прошептала ведьма и потащила бедную девушку в сумрак Молохова урочища.

Оказавшись у кромки леса, Желан остановился перевести дух и дожидаться своих дружков. Он уперся руками в колени и тяжело дышал – все-таки выпито было не мало. Брякнув кольями, подбежали Лукьян и Власий, а худая фигура Гордейки все еще маячила на поскотине.

– Плететесь, как больные собаки! – прикрикнул на них молодой кузнец.

– Мы туточки, – добродушно отозвался широкоплечий Лукьян. – Бежим, Желан, бежим, а то Гордейку до вечерней зорьки не дожидаться. Да и толку от него немного. Упустим беглянок!

– А почему два? – выдохнул Власий.

– Что два? – повернулся к нему Лукьяшка.

– Я видел два красных платья. Почему их два? Ведь невеста одна.

– Хватит ласы точить! – выпрямился Желан. – За мной!

Парубки хмуро кивнули и побежали за своим предводителем.

Древний лес встретил погоню звонкой тишиной. Где-то в чаще раздавался стук – трудолюбивый дятел долбил сухое дерево, но больше ни звука.

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Близкий девичий крик резанул по нервам:

– Помогите!

Судя по звуку, Преслава была значительно правее, чем думал Желан.

– Туда! – Лукьян показал пальцем на еле заметную тропинку, петляющую в подлеске.

Парень перехватил кол на манер копыя и устремился на зов о помощи.

– Нас подожди, – откликнулся Власий, но Лукьян уже оторвался вперед.

Парень не зря считался в деревне отличным следопытом и опытным охотником, поэтому, примечая следы, заломленные беглянками веточки и замятые травинки, уже почти догнал их – красные сарафаны промелькнули за недалекой столетней сосной. Еще немного и он их настигнет.

Ведьма тоже это понимала.

Ягода залепила звонкую оплеуху своей пленнице за попытку позвать на помощь и обернулась. Убежать и спрятаться оказалось не просто – ближайший преследователь был уже рядом.

Ведьма практически волоком вытащила пленницу на небольшую лесную полянку, и грубо толкнула ее в подвернувшуюся яму. Преслава упала, и тихо заплакала. Она ударилась, ей было очень больно и страшно.

Ягода сузила глаза, поджала губы, достала из котомки тряпицу с высушенными еловыми иголками и высыпала их на ладонь. Повернувшись к сильному преследователю, ведьма дунула на желтые иглы и принялась нашептывать заклинание «Лес-спаситель»:

– *Отомсти мене, дубрава могутная! Блуди ня с исхождения моего. Пожри ниховы души, взими си ворожбитей кровь в комелы дебелиплотные. Заколани, восприми молебствие во славу владыки Чернобога!*

Ожидая появления первого врага, она шептала и шептала. Что-то в окружающем мире изменилось. Пожухлая трава вздрагивала, как от порыва ветра. В тот миг, когда губастый Лукьян с длинной дубиной в руках вылетел на поляну, Ягода была уже готова к «теплой встрече». Лженевеста вскинула обе руки ладонями вверх и вскричала:

– Проклится!

Ухмыляющийся Лукьяшка внезапно запнулся и выронил свой заостренный дрын. Торжествующая улыбка не успела слететь с лица парня, как вырвавшиеся из земли стремительные побеги вознеслись в небо, пронзая тело человека сразу в нескольких местах. Плотная еловая стена с трескучим грохотом, взметнув вихрь песчаной пыли, выросла меньше чем за полмига. Елки не проткнули Лукьяна – они проросли сквозь него, быстро и неотвратимо, разорвав горло, ребра и низ живота. Колеблющиеся заостренные верхушки и зеленые ветви вознесли мертвяка на высоту самого крупного терема, там он и застыл, спиной книзу, раскидав в сто-

роны неподвижные руки. Тонкие струйки крови вязко струились с высоты, разбрызгиваясь у самой земли.

Улыбка молодого мужчины так и застыла омерзительным оскалом на замершем, перекошенном от смертной, нестерпимой боли лице.

Ягода хохотнула и хлопнула в ладоши – получилось! Снова получилось!

Подобно ночной гарпии с раскрытыми крыльями, ведьма подскочила к Преславе, сгребастала ее и потащила, почти понесла девушку дальше – в коряжник, в чащобу, в бурелом, ухмыляясь и оборачиваясь на погоню, сверкая черными, как деготь, глазами.

Желан и Власий опоздали. Выбежав на опушку леса, они задрали головы. С расширенными от животного ужаса зрачками они молча взирали на своего растерзанного товарища. Да как же это?

Лопоухий Власий проглотил подкативший ком к горлу и зачастил:

– Ведьма! Ведьма! Это ведьма!

Желан грубо схватил его за кудрявую шевелюру и прикрикнул:

– За мной! За мной!

Влас округлил глаза, но повиновался.

Желан перешел на горячий шепот:

– Мы поймаем ее! Не бойся, мы их догоним и освободим Преславу!

Парень тряс головой, соглашаясь. Никогда прежде ему не было так страшно, а теперь вот довелось так напугаться, что в пору портки замарать. И даже бы не застыдился – тикал бы не оглядываясь до деревни, сверкая пятками. Пусть девки и бабы смеются, пусть! Лишь бы подальше от этого страшного леса и кровожадной ведьмы.

– Бегом! – кричал Желан. – Упустим! За ними!

Власий еще раз кивнул и побежал рядом с Желаном.

Они помчались, забирая левее, пытаясь обогнуть выросшую еловую стену. Желан начал раздражаться. В самом начале преследования он подумал, что это Ягодка договорилась с Преславой, глупые девицы сбежали со свадьбы и догнать их будет не трудно. Да и после, рядом с околицей, ему показалось, что рассмотрел силуэт бывшей полюбовницы, но теперь...

Теперь он засомневался. Та Ягодка, которую он знал, не умела убивать людей деревьями! Это же нелепо. Или умела?

Желан посмотрел на своего друга: глупый, жилистый, рукастый, но без него нельзя – оскорбленный жених чувствовал, что если останется один, то и ему будет страшно ват двигаться дальше. К тому же Гордейка отстал. Желан еще раз скосил глаза на Власия и нахмурился – трусливый пастух не отступал ни на шаг. Он как будто бы прилип к нему – иногда задевал локтем.

– Вон они! – заверещал Власий.

Желан и сам заметил беглянок. Подолы ярких сарафанов вновь мелькали в густом кустарнике подлеска. Раздражение сменилось злостью.

Парни перепрыгнули небольшой ручеек и вскоре почти нагнали девушек. Но преследование усложняли возникающие тут и там большие завалы деревьев. Чуть впереди вообще ничего было не разобрать, когда-то давно буря поломала сосны в два обхвата, да так и побросала одну на другую. Где-то там и юркнули в тень две девушки.

Желан ухмыльнулся:

– Теперь никуда не денутся! Тут бегать – только ноги ломать. Найдем.

Власий с тревогой посмотрел на своего предводителя, но ничего не ответил.

А меж тем Ягода насильно усадила Преславу за огромный выкорчеванный ветром пенек с мощными корнями. Она повисла на несчастной девушке, зажимая левой рукой ей рот, чтобы не пискнула ненароком. Правой рукой ведьма пошарила в котомке и достала высушенный корешок азиатской мужской мандрагоры. Корешок был небольшой и достался ведьме по наследству

от уснувшей матери, но позволял вызвать удивительного лесного защитника. Был один нюанс – обратно в коряги вызванное существо было уже не загнать без применения огня и совсем другой магии, которой Ягода не владела.

Выбора не оставалось. Ведьма дала себе зарок, что если удастся спастись, заготовит себе две дюжины защитных заклинаний, а то и больше. Она откусила от корешка похожего на рас-

серженного человечка, микроскопический кусочек, и, зажав мандрагору в кулак, принялась нашептывать заклятие «Леший, восстань»:

– *Воротись, диду, для благобытия моего. Изничтожь пентихов чужеродных! Не милуй, тей, трзи, гыби гостей напразных! Стань немедля! Убий!*

Заскрипело. Где-то рядом. Но ведьме не было видно.

Желан и Власий приблизились. Парни не бежали, шли ровно, аккуратно преодолевая лесные завалы, шарили глазами. Власий даже постукивал своей увесистой дубиной по кривым, высохшим корням.

– Тут они! – радостно закричал пастух. – Вон за тем пнем.

– Преслава! Преслава, ты где? – закричал Желан, рванувшись туда, куда указывал перстом Власий. Он перепрыгнул через длинную, почему-то шевельнувшуюся ветку, зацепился штанами за невовремя подвернувшийся острый отломленный сук и проехал животом по осенней листве. Желан приподнял голову и даже раскрыл рот, что бы предостеречь Власия.

Тот похолодел. В широко раскрытых глазах лежащего кузнеца, деревенский пастух разглядел неподдельный ужас. Парень понял, что у него за спиной стоит что-то или кто-то. Он медленно повернулся в пол-оборота и истошно закричал.

Да, он стоял там. Замшелый и страшный. По прихоти матери-природы узловатые утолщения и грибные наросты создавали на древнем стволе подобие человеческого лица и одновременно звериной морды. Когтистые лапы чуть заметно поднимались. Люди сызмальства знали, что леший живет только в сказаниях слепых старух и длинноносых дур, которые долгими зимними вечерками болтают языком за рукоделием. И вот теперь леший стоял перед ним и медленно шевелился.

Клочковатое мочало высохшей болотной тины заменяло лешему бороду. Он не имел глаз. В одном из черных провалов, где должны были размещаться глазные яблоки, сидела крупная ящерица. Она неотрывно смотрела на Власа. Откуда взялось это страшилище неизвестно. То ли коряга вдруг ожила по чьей-то жуткой прихоти, то ли диковинное существо вылезло на свет из горы близкого валежника, то ли выползло из замокших, а потом засохших на корню приболотных лесов.

Власий замер.

– Не двигайся! – успел выкрикнуть Желан, но пастух попятился и, перейдя на визг, упал на спину и в панике дрыгал ногами, пытаясь отползти.

Леший пришел в движение. Со скрипом и неожиданной быстротой он надвинулся над осипшим от смертельного страха пастухом и, схватив его за правую щиколотку, поднял над прелой листвой. Лесной защитник поднимал пойманного человека, как дрыгающегося котенка. Все выше и выше. Лицо человека поравнялось с мордочкой ящерицы. Их взгляды встретились. А затем леший ухватил Власия уродливой рукой за горло и вырвал ему кадык.

Кровь хлынула из страшной раны – сильное тело молодого мужчины сразу обмякло. Леший продолжал удерживать висящий вниз головой труп, когда сзади на него накинута Желан, обхватив супостата за твердую шею. Храбрый поступок жениха не достиг успеха. Леший заскрипел, отбросил прах Власия, как мусор, и сцапал за своей спиной Желана. Он ухватил новую жертву за шею и утробно заурчал.

Желан понял, что жить ему осталось не больше мига.

Хватка на шее усилилась, и парень захрипел, обеими руками тщетно пытаясь разжать скрюченные корни пальцев чудовища, но бессильно закатил глаза, перестав сопротивляться.

– Оставь его! – повелительный голос ведьмы гроыхнул, как гром среди ясного неба.

Леший замер.

Ему все было безразлично. Без каких-либо эмоций он мощно отбросил Желана – точно так же, как до этого – тело Власия. Кузнец пролетел десяток аршинов и, вломившись в сухой валежник, ударился головой и грудью. Парень застонал и застыл в нелепой позе.

Существо древнего леса повернулось к ведьме и прошептало:

– Хозяйка.

– Неси ее по дороге Чернобога! – Ягода вытолкнула в объятия лешего свою пленницу. –

Ты знаешь куда!

– Да, госпожа! – вновь прошелестело существо.

Преслава рассмотрела лешего и наконец-то упала в обморок.

Глава 5. Заклан-камень

Леший бережно, как уснувшего ребенка, взял на руки бесчувственную девушку и понес в глубину Молохова урочища. Изодранный красный сарафан оголил белоснежное плечо невесты, мимолетный ветерок растрепал золотистые локоны. Ведьма Ягода торжествующе огляделась и прислушалась. Вот он – изменщик. В ее власти! Желан лежал без движения в куче гнилых веток. Но кто же шумел позади, там, где беззвучно повис на ветвях пронзенный елками глупый Лукьяшка?

«Желан! – позвал кто-то. – Лукьян! Власий!»

Ведьма узнала этот голос. Еще один дружок женишка – Гордейка. Малый недалекий и трусоватый. Ягода бросила хмурый взгляд на своего бывшего возлюбленного и крадучись двинулась навстречу последнему преследователю.

Рыжий и вихрастый Гордейка застыл на краю лесной полянки. Он слушал гнетущую тишину и недоумевал: где же его друзья? На эту роковую для Лукьяна поляну он вышел значительно правее и место убийства не увидел. Здесь он был впервые в жизни и внезапно вознесшуюся еловую стену попросту не замечал. Деревья и деревья – что тут особенного.

«Желан! – еще раз крикнул парень, вновь прислушался, но угрюмый осенний лес ответил лишь шумом ветра в верхушках деревьев. Гордей кашлянул и неуверенно продолжил: – Да где же вы?»

Парень обошел поляну и уткнулся в излучину небольшой речки – здесь она заворачивала, образуя омут. Гордейка почесал затылок – водоем вроде бы не широкий, к тому же с берега на берег было перекинуто бревно.

Парень посмотрел по сторонам – взгляд упирался в плотные кустарники: и слева, и справа.

«Ладненько», – прошептал Гордей и, осторожно переступая, двинулся по деревянной переправе.

Бревно было старое, но на вид крепкое и давно заклинилось между другими упавшими деревьями на том берегу. Да и пройти-то необходимо было всего пару-тройку саженей. Он сделал первый шаг, качнулся, проверяя прочность мостика, почувствовал, что все в норме, сделал второй шаг. Внимательно смотря, куда ставить ноги, он достиг середины. Внизу текла темная октябрьская водица. Всплеснула крупная рыба – возможно, щука ретировалась, заметив над собой тень человека, или судак жировал перед зимними холодами, наедаясь до отвала мальком.

Заметив сильный всплеск на воде, Гордейка остановился. Он проводил взглядом мелькнувший у поверхности пятнистый хвост рыбины и поднял глаза. Что-то почудилось – какое-то движение на бережке. Парень пошарил глазами и вздрогнул – за вторым рядом деревьев, сразу за уродливой сгоревшей сосной кто-то стоял.

Гордей пригляделся и вздрогнул – там в пол-оборота к нему стояла страшная темная женщина с распущенными волосами. Она скосила на него глаза и неотрывно смотрела ему в лоб. Женщина шевелила губами, казалось, что ее лицо искажалось и омрачалось тенью.

А ведьма не просто шевелила губами, она колдовала со всей своей новой силы. Ягодка прихватила с собой перекаленную соль и теперь нашептывала на нее заклинание «Лед, встань»: *«Мороз мощный! Клеици есень вечинную. Затяни воду стеклом, облазни холод на нашск край. Пробеги ворожбита до пискал его влепких!»*

С неба зарядил дождик. В эту пору такая погода не редкость, но вот уже стали пролетать белые мухи, и усилившийся ветер принес большой заряд снега. Гордейка запаниковал – идти вперед, к ведьме, не хотелось.

Он узнал ее! Это же Ягодка! Но почему она такая страшная и где ее преследователи? Что она сделала с Желаном и друзьями?

Отчетливо и резко похолодало. Гордейка недоуменно крутил головой. Прямо на глазах мокрые от дождя ветви деревьев и кустов приобретали блеск и белели – покрывались коркой льда и не тающими снежинками.

Гордейка пятился, но шершавое бревно превратилось в скользкое препятствие. Парню уже некогда было думать о причинах обрушившейся стужи. Пальцы рук замерзли и не слушались. Он дышал в посиневшие ладони, пытаясь согреться, но накрывшая омут и переправу январская стужа не отпускала своей колючей хватки и продолжала усиливаться. Обледеневшее бревно превратилось в настоящую ловушку.

Гордейка оглянулся и задохнулся от ужаса: Ягодка сковала его мятущийся взгляд своей стальной волей.

Нога соскользнула и, чертыхнувшись, парень полетел вниз. У Гордейки мелькнула мысль, что падать не высоко, да и до деревни не далеко. Пусть и мокрый, но он добежит до отчего дома. Лишь бы только не видеть страшный взгляд ведьмы – в том, что ее козни, парень уже не сомневался.

Пробив спиной тонкую корку льда под коварным бревном, парень ушел с головой в вязкую от мороза воду и чуть не задохнулся в тисках студеной водицы. Легкие свело судорогой, холод обжигал затылок и глаза.

Мелкая лесная речка в этом месте оказалась глубокой – по крайней мере, до дна барахтающийся Гордей пока еще не достал. Но на этом неприятности не закончились. Течение воды замерло, и омут сковала корка льда. С каждым мгновением ледяная толща нарастала.

Гордейка наконец-то сориентировался, где верх, а где низ. Нашупав твердое песчаное дно, сильно оттолкнулся от него обеими ногами, пытаясь вынырнуть, но неожиданно ударился рыжим затылком о твердыню совершенно прозрачного, но непреодолимого препятствия. Стылыми, широко распахнутыми от жути глазами он смотрел на свет, и царапал ногтями неподатливый лед, срывая их до крови.

Злая Ягода все видела. Ее белоснежные от изморози волосы всколыхнулись. Хлопнув длинными заснеженными ресницами, она спокойно выдохнула пар изо рта:

– И с этим покончено.

Ведьма захохотала и понеслась сквозь лесные завалы, туда, в чащу, в сгущающиеся ранние сумерки поздней осени. Она ловко обходила причудливые коряги и скрюченные корни. Ягода стремилась к древнему капищу Чернобога, к заклан-камню и бессмертию.

Теперь она здесь хозяйка, она владычица, и бойся всяк заходящий в глубину Молохова урочища.

Обойдя бурелом и снова оказавшись в теплой прелой осени, ведьма остановилась, как вкопанная.

– Желан, – зло прошептала она, вспомнив о лежащем в беспамятстве парне.

Ягодка стояла в нерешительности совсем недолго. Ведь горе-жених был в ее полной власти, но впереди ее ждал ритуал жертвоприношения, и ведунья решила не возвращаться. Намного важнее выполнить договор с Чернобогом, чем упиваться убийством беспомощного человека.

«Нет, – спокойно сказала себе Ягода. – Мстять нужно потомить, подержать на медленном огне и потом насладиться по крупинке, по ложечке. Желан подождет, и я подожду».

Ведьма достигла замшелых камней дороги Чернобога и перешла на быстрый шаг. Заросшая дорога петляла, как переливчатый голосок певуны Преславы.

Ягода изредка оглядывалась, водила носом, убеждаясь, что погони больше нет, и, мерзко хихикнув, стремилась дальше к заветной цели – вечной жизни. О том, что ей придется собственноручно убить ни в чем не повинную девушку, ведьма уже и не вспоминала.

Бессмертие, могущество и власть над всем сущим! Какая тут может быть Преслава? Если потребуется, она убьет тысячу Преслав и Желанов, пусть только этого пожелает владыка – Чернобог!

Выпустив из легких последний воздух, Гордейка перестал брыкаться и беспомощно пошел на дно. Он тянул руки к свету и понимал – сейчас утонет, умрет. Навсегда.

Но случилось чудо.

По-прежнему теплая водица из верховьев речки напирала на холодные воды омута, и вдруг упругая толща сдвинулась. Внезапно появившееся течение потянуло его к вновь образовавшейся стремнине – подхватило и понесло.

Гордейка держался изо всех сил. В ушах стучала кровь надрывающегося сердца. В тот самый миг, когда парень уже готов был смириться и вдохнуть постылую воду, его вынесло на мелководье. Парень судорожно вдохнул теплого, как ему показалось, воздуха и, перевернувшись на живот, выполз на покатые камушки переката.

Здесь зимой и не пахло, но Гордея бил озноб и ослепляла накатившая боль. Он сидел на мокром песке и смотрел на свои изувеченные пальцы. Кровь стекала розовыми разводами и струйками.

– А-а-а! – наконец-то заголосил парень.

– А-а-а, – ответило чужим голосом эхо заснувшего и такого жуткого леса.

Гордейка вздрогнул, вспомнив о взгляде ведьмы, и опасливо пригнулся, озираясь по сторонам белыми, как коровье молоко, глазами. «Бежать! Бежать! В деревню! Надобно быстро! До дому – к тятке с мамкой!»

Парень с трудом поднялся на трясущиеся ноги, несколько раз поскользнулся, обернувшись, посмотрел на ослепительное заснеженное пятно посреди желто-красно-зеленого увядающего осеннего мира.

Над рекой поднимался туман и плотной плетью, сгущаясь и стелясь, тянулся к несостоявшемуся утопленнику.

Парень побежал. Сначала прихрамывая и неказисто подламываясь в коленях, а потом, когда согрелся, уже быстрее. Силы вернулись, и отхлынул студеный трепет. Он жив и все всем расскажет.

«Это не простая девка-травница Ягодка, – метались мысли в голове чудом спасшегося молодого человека. – Это ягая⁵ ведунья».

– Огни! Почему огни? – прошептал себе под нос парень. Он и не заметил, как миновал опушку темного леса и выскочил на поскотину. Запахло дымом и деревней. Где-то близко лаяли собаки.

Рядом с околицей, далеко правее того места откуда вышел Гордей, колтыхаясь топталась хмурая толпа. Несколько угрюмых мужчин держали в руках факела.

Всадники во главе со смоленским посадником стояли чуть в стороне – лошади тревожно всхрапывали и крутились на месте, высоко приподнимая передние ноги и приседая на задних.

Общая нервозность нарастала, но и ломиться в Молохово урочище на ночь глядя никто не хотел.

Посадник гарцевал перед селянами на отличном вороном коне с богатой уздечкой и размахивал кулаком – видимо, что-то объяснял тупым крестьянам. Все понимали, что убийство ратника – дело не шуточное и посадник это просто так не оставит.

Гордейка поковылял к честному люду.

Его появление особой радости у мужиков не вызвало. Парень с трудом поведал о своих злоключениях, перепрыгивая с пятого на десятое, при этом стуча зубами и показывая всем собравшимся свои кровоточащие руки.

⁵ Ягая – восточнославянское слово, первоначальное значение – злая.

Посадник криво усмехнулся и строго спросил:

– Напился браги, а теперь напраслину на других наводишь?

– Я видел! Я видел! – горячился Гордей. – Там Ягодка стояла. Она волхвовала и ведовала – стужу призывала. Она желала колдовством меня извести.

Посадник облокотился на высокую переднюю луку боевого седла и задумчиво выпятил вперед губы:

– Что это мы из-за одной глупой девки тут цельную охоту снарядили?

– А вдруг она и есть убийца лучника Верислава? – высказал общие догадки седой дружинник. – Не мог он изнутри свариться в кипящем вине. Такого на свете не бывает. Это все колдовство и ведунство черной ведьмы.

– Наказать надобно, – откликнулся кто-то из всадников.

Посадник почесал бровь и молча кивнул, а затем вновь повернулся к дрожащему Гордейке и с наигранной ласковостью спросил:

– Дружок, а где остальные? Мне доложили, что вас четверо кинулось догонять похитителя невесты. Куда они подевались?

– Я не ведаю, продолжал стучать зубами Гордей. Я бежал за ними, а потом они сгнули. Там ведьма была! Ягодкой кличут, дочь плотника. Заморозила меня.

После этих слов толпа вновь всколыхнулась и зароптала. Хмурые мужики топтались на месте, но в дремучий лес не шли.

Посадник махнул головой седому ратнику и тот заорал:

– А ну, в лес! Ищите жениха, невесту и ведьму эту, будь она не ладна. Ведунью не убивать – за космы тащить ко мне. Ищите всех – живых и мертвых. Вперед!

Сжав губы в струнку, посадник кивнул.

Мужики нехотя переступили кромку, разделяющую зачарованный лес и деревенский мир с его покосами, поскотиной и околицей. Они шли, что-то громко выкрикивая, подбадривая себя и соплеменников. Огни факелов растянулись шевелящейся цепью по сгустившейся коряжистой темноте.

В таких условиях найти кого-то было практически невозможно. Посадник это прекрасно понимал. Под покрывалом из пожелтевших папоротников можно было спрятать целую армию супостатов, а в буреломе устроить целый засадный полк, и никто этого даже бы не заметил.

А мужики тем временем сбились в плотные группы и перекликались между собой. Целая череда смертей на свадьбе, рассказы рыжего Гордейки и таинственная пропажа жениха и невесты взбудоражили селян, но заходить в чащобу запретного леса было страшновато. Где-то впереди рыкнул крупный зверь, и преследователи невольно остановились, прислушиваясь. Далеко-далеко дробную звонкую серию стуков выдал запоздалый дятел, а слева ухнул филин. Какая-то крупная птица, напуганная криками людей, сорвалась с высокой ветки и, захлопав сильными крыльями, улетела.

Люди замерли.

Холодок липкого страха пробежал по спинам, но они вновь двинулись – медленно и неуверенно.

Крепкие мужики по-прежнему подбадривали друг друга, но когда разрозненные группы соединились на роковой полянке – встали. Толпа вновь загудела, озираясь и ожидая всадников.

Захватившие небосвод тучи на мгновение выпустили на свободу плененную луну. Полный золотистый лик небесного круга мгновенно осветил недавно выросшую еловую стену.

– Там! – заставил всех встать чей-то задохнувшийся крик.

Мужики задрали к небу бороды и постепенно расширяющимися зрачками молча смотрели на растерзанный острыми ветками труп.

– Это же Лукьяшка...

Народ выдохнул и замолк, рассматривая останки деревенского парня, которого знали все. Смерть, которую он принял, была непонятна и необъяснима, а от чего еще более страшна.

– Да как же это? Как он туда попал? – с дрожью в голосе прохрипел кто-то. – Так же не бывает.

– Дурень, – откликнулся староста. – Не сам он туда залез, а деревья его пронзили.

После этих слов мужики попятились. Толпа пришла в движение и уже не обращала внимания на появившихся из сумрака всадников посадника.

– Ху-у-у-у-у!

Долгий вибрирующий крик неясности был слышен за несколько верст. Этот крик лесной ночной птицы стал сигналом к окончательному отступлению. Натянутые до предела нервы не выдержали, и люди побежали – обратно, домой, в деревню – лишь бы вырваться из этого кошмара.

Бегать по ночному лесу трудно – можно и без глаза остаться, и руки-ноги переломать. Но мужики бежали, цепляясь одеждой за деревья, наматывая лохмотья осенней паутины на лица и время от времени падая на прелею листву.

Деревенские сбежали все. Посадник не стал кричать – пусть их. Глупые селяне – что с них взять.

Предводитель небольшого, но опытного отряда внимательно осмотрел пронзенного стволом мертвяка и поморщился.

– Похоже, этот рыжий не врал, – с досадой в голосе проговорил посадник. – Дело принимает серьезный оборот!

Он успокаивающе поглаживал шею коня и думал.

Если случилось так, что вооруженного дружинника, опытного лучника, у которого за плечами несколько боевых походов на печенегов, может убить хрупкая сельская девушка, то...

Посадник посмотрел на своих хмурых охранников.

В лесу завелась могучая черная ведьма, и все погибшие сегодня – это только начало.

Колдунья войдет во вкус и примется убивать. Она станет опытна и смекалиста. Судя по всему, ведьма обладающая такой силищей, совсем скоро сможет действовать открыто и нагло. Наступит день или ночь, когда эта нечисть сможет, не опасаясь даже сильных мужчин, заходить в любую деревню и, невзирая на сопротивление защитников, забирать очередную жертву и уносить ее в лес – безвольную и обреченную.

При этом ведьма не задумываясь убьет любого, кто встанет у нее на пути. Такое уже бывало, поэтому выход оставался только один.

Посадник еще раз окинул взглядом свою небольшую дружину и провозгласил:

– Ведьму надобно уничтожить!

Неспокойные кони храпели и пятились, как будто бы, почувствовали опасность: волка или даже косолапого хозяина леса – бурого медведя.

– Но найти ее в такой темноте мы вряд ли сможем, – продолжил посадник. – Возвращаемся в деревню, завтра поутру продолжим поиски. Может так случиться, что эта история сама собой проявится.

Всадники, не проронив ни слова, развернули напуганных чем-то коней. Ратники натягивали удила, сдерживая пыл животных. Коня чувствовали кровь и фыркали. Дай им волю, и они сорвались бы в неуправляемый галоп и расшиблись бы о темные стволы вековых сосен и дубов, а то и сбросили бы из седел своих седоков.

Но коряги и переплетение подлеска ничто по сравнению с той бедой, которая может случиться, если вдруг лошадь на полном скаку провалится ногой в барсучью нору, коих в лесу было в избытке. Залом кости – вещь непоправимая. Тогда лошадь пришлось бы умертвить.

Но все обошлось. Впереди за деревьями замелькали факелы оставшихся мужиков. Приблизившись к опушке леса, посадник с облегчением выдохнул. Терять коней и тем более людей не хотелось.

Выйдя из чащи, всадники обнаружили старосту и двух крепких селян. Староста низко поклонился, да так и застыл.

– Веди на ночлег, – приказал ему посадник.

Там, в таинственной глубине Молохова урочища творились странные, невероятные вещи. Если бы не гибель Верислава, эта история даже позабавила бы молодого посадника. Но теперь он как представитель власти должен был во всем разобраться. Кони успокоились и шли ровным шагом к дому старосты. Посадник обернулся назад.

Удар новой молнии ошеломил. Небесный разряд ударил в корявое дерево на краю леса, которое ярко вспыхнуло и сразу погасло. То ли начинающийся дождь погасил, толи сырые ветви не захотели заниматься.

– Диво дивное, – нервно прошептал посадник. – Спозаранку, завтра, все завтра.

Деревня Красатинка еще долго гудела, но мелкий противный дождик усилился, и селение угомонилось.

А ягая ведьма бежала в сырой лесной темноте, уже не оглядываясь. Она жаждала догнать лешего и предстать победительницей перед Чернобогом. Низкие еловые ветви пытались цеплять грязным мочалом бегущую колдунью, но Ягода ловко уворачивалась и, пригибаясь до сырой земли, быстро пробиралась через переплетения колючих стволов и веток. Вынырнувшая на миг из туч полная луна пришла на подмогу – осветила трудный путь. Блеснули отполированные временем камни древней дороги.

– Его дорога! – радостно вздохнула ведьма и, вскинув руки к тяжелым тучам, утробно проскрипела: – Слава Чернобогу!

Небо откликнулось вспышкой одинокой молнии. Ослепительная стрела Перуна ударила где-то позади – возможно, в кромку леса, осветив на миг сказочный, но такой злой мир.

Следом за небесной вспышкой на деревню и примыкающее к ней Молохово урочище обрушились непроглядная темень и вязкое безмолвие, разбавляемое шепотом начинающегося ненастья.

Древний каменный путь петлял – поворот, еще один, а за ним изгиб, низинка. Ведьма чуть не налетела на заросшую опятами спину лешего.

Неказистый и коряжистый лешак по-прежнему держал на руках Преславу. Невеста один раз пришла в себя, но, разглядев, кто ее несет, вновь окунулась в пучину беспамятства. Ленты в ее косах давно развязались, и теперь волна русых волос ниспадала до крючковых корней – ног лешего, колыхаясь в такт тяжелым шагам лешего.

– Хозяйка! – проскрипел по слогам он. – Повинуюсь.

Ягода даже подпрыгнула от возбуждения и черной радости. Ее потряхивало от вновь охватившей ее жажды крови и мести.

А там, впереди, за деревьями открывались туманные грязные берега гнилых болот и он – черный гранит заклан-камня.

– Пришла, – прошептала Ягода и, завидев изувеченный трон Чернобога, крикнула: – Сбылось!

С робостью и почтительностью ведьма подошла к отшлифованной вечностью громаде заклан-камня, замороженно погладила ладонью его холодную поверхность и вздрогнула.

В тот же миг вспыхнули мириады призрачных болотных огоньков. Каждый из них мерцал тускло и невнятно, но все вместе они озарили окрестности и обозначили границы магического круга.

Ведьма заметила, что на заклан-камне что-то лежит.

Она протянула руки и расправила старинный плащ с капюшоном.

– Ритуальные одеяния, – взволнованно прошептала ведьма.

Она отбросила в сторону не нужную теперь котомку и торжественно облачилась в ветхую, но испещренную светящимися рунами одежду.

Ведьма накинула капюшон, соединила две половинки золотой застежки на шее в виде двух костлявых кистей рук с растопыренными пальцами. Персты сплелись между собой, и застежка защелкнулась.

На смертном одре жертвенника блеснуло какое-то мутное отражение.

Ведьма уже догадалась, что сейчас увидит.

Трепеща и не скрывая восхищения, она ухватила за витиеватую рукоять клинка и потянула на себя.

Удивительной красоты волнистый клинок беззвучно покинул замшелые ножны. Ягода невольно залюбовалась древним лезвием.

– Скверна! – проскрипел за спиной леший. – Это Скверна! Резак уныния!

Безумные огоньки заиграли в черных как смоль глазах ведьмы. Она резко обернулась к своему лесному слуге и скомандовала:

– Клади Преславу на заклан-камень.

Ягода молча наблюдала, как неуклюже двигался лешак. Он доковылял до лобного камня и неожиданно нежно положил несчастную девушку на холодную поверхность смертельного ложа.

Бледная Преслава по-прежнему находилась без искры сознания. Красный сарафан, несколько свадебных лент и волна светло-русых волос притягивали взор Ягоды.

– Красивая, – прошептал леший.

– Уйди за кромку, раб, – рассерженно прошептала ведьма.

Леший поклонился хозяйке и, больше не проронив ни звука, послушно отступил в лесной мрак.

Ведунья со злостью проводила взглядом покорное существо и нетерпеливо обернулась к заклан-каменю и лежащей ритуальной жертве.

Роковой час настал, и теперь любые помехи раздражали.

Ягода крепче ухватила рукоять Скверны. Резко вскинув клинок над головой, черная чаровница изготовилась к единственному и в то же время последнему для жертвы удару.

Миг, еще миг – мгновение сменялось мгновением, сливаясь в долгое ожидание. Расширенными зрачками ведьма всматривалась в лицо беспомощной девушки и почему-то медлила с ударом.

Никогда еще до этого момента ей не доводилось собственноручно убивать людей. Колдовством – уже приходилось, но тогда страшное дело исполняли восставшие по ее указу силы. Теперь же надобно было убить самой, своими собственными руками – именно здесь и сейчас.

Ягода перевела взор на трон, но Чернобог до сих пор себя никак не проявил.

Ведьма желала многого, она хотела исполнить кровавый ритуал на его глазах. Мечталось, что владыка загробного мира будет рядом во время жертвоприношения, и близость божества придаст ей храбрости и решительности.

Еще ведьма боялась, что сделает что-нибудь не так и попросту все испортит какой-нибудь нелепой ошибкой. Она не знала, как проводятся такие ритуалы и что в таких случаях производят. А может быть, владыка отлучился по своим непостижимым делам и скоро проявит свою великую сущность и божественное снисхождение.

Но время шло, а Чернобог так и не явился на кровавое свидание.

Ягода вновь приподняла опустившиеся руки с готовой ужалить Скверной. Ведьма нацелила острие клинка в шею невесты и, собравшись с духом, решилась.

Глава 6. Месть

От близкого и резкого оглушительного грохота молнии Желан медленно открыл глаза. Темнота.

Холодные капли дождя болезненно били по лицу. Он пошарил руками вокруг – одна грязь, прелая листва, желтая хвоя и толстые склизкие корни деревьев. Желан с трудом встал. Шея и голова гудели тупой навязчивой болью.

Молодой кузнец принялся растирать затекшие руки и попробовал наклонить голову к левому плечу, а затем к правому.

– Голова на плечах, а не в кустах, – прошептал он. – И то хлеб.

И тут он все вспомнил.

– Власий! – слабо позвал он, и уже громче: – Жив ли ты?

Никто не ответил.

Изувеченное тело Власа лежало рядом, в каких-то пяти шагах, но Желан его не видел. Шатаясь, он пошел назад: сначала медленно, но сильные натруженные мышцы начали согреваться и вот он, уже вытянув перед собой руки, вполне уверенно двинулся обратно.

– Может быть, вернуться в деревню, – промолвил жених, помолчал и добавил. – Где же Преслава?

Желан сомневался, что сразу и легко найдет дорогу домой, но и стоять на месте было глупо и холодно. Нужно было двигаться и, хотя он помнил, что они с парубками углубились в лес недалеко – всего-то на шесть сотен шагов, но сориентироваться в ночном лесу ему никак не удавалось.

Несмотря на дрожь во всем теле, Желан шел и шел вперед.

Куда? Одному богу известно.

– Какому богу? – Горько ухмыльнулся парень. – Старых богов скинули, а новых не дали.

Желан вспомнил отца, и даже захотелось по-мальчишески всхлипнуть – он издал горловой звук и протер глаза кулаками.

Там, впереди кто-то или что-то шевелилось.

Желан припомнил, как страшное лесное существо убило Власия. Нужно быть осторожным.

Он не то что бы крался – в такой темноте главное не запнуться и не упасть, но пытался издавать как можно меньше звуков.

Молодой кузнец выбирал направление по наитию. Где-то рядом должна была протекать речка или ручей. Он точно помнил, что перепрыгивал с Власом журчащий перекат.

Но лесная река так и не попала на его пути.

Желан взял левее и через какое-то время понял, что окончательно заблудился. Он с удивлением миновал заснеженную лужайку. Под ногами хрустел снег, и это испугало деревенского парня. Ему и так было зябко, а теперь будет трудно дожить до рассвета. Но... Студеная лужайка внезапно закончилась.

Желан приободрился. Внезапно он почувствовал под ногами твердую поверхность. Он опустился на корточки и ощупал гладкие камни мощеной дороги.

– Откуда здесь это? – удивленно пробормотал парень. Он слышал, что такие дороги существуют, но никогда до этого не видел подобного чуда. Желан распрямился и ожесточенно похлопал себя по плечам и бокам.

Хмель давно выветрился и голова прояснилась. Желан разгладил усы и огляделся, насколько это было вообще возможно. Глаза привыкли к темноте и даже проявились некоторые детали. К примеру, он сметливо заметил, что чаща расступается и идти по каменной дороге несравнимо легче и удобнее, чем по перелеску.

И снова удивление: прямо перед ним возник призрачный огонек. Бледно-зеленое свечение вздрогнуло и поплыло на уровне глаз. Желан зачарованно пошел следом. Светящееся наваждение двигалось над древней дорогой все дальше и дальше, не останавливаясь и не ускоряясь. Призрачный свет ничего, кроме камней пути, не освещал, от чего по обеим сторонам дороги усилилась мгла, но идти было легко.

Желан шел, почему-то ничего не опасаясь и даже не думая, что его могут заманить на погибель.

– Светляк, – с мимолетным недоверием в голосе прошептал себе под нос парень. – Летит...

Так они и двигались – непонятный светлячок впереди, а Желан позади.

Иногда свет останавливался, поджидая замешкавшегося человека, но, дождавшись его, продолжал движение. Скорое появление густых рваных щупалец тумана не насторожило парня – в эту пору туман не редкость. Он вышел к гнилым, гиблым болотинам, но не знал об этом – заходить так далеко в чащу Молохова урочища ему еще не доводилось. От интенсивной ходьбы парень согрелся и уже не замечал, что небесная влага принесла с собой ночной холод и даже заморозки.

Внезапно для Желана зеленый огонек ускорился и, бросив своего попутчика, быстро исчез из виду. Парень нахмурился, пошел туда, где пролетел сказочный огонек, но его и след простыл.

Пройдя три десятка шагов, он в недоумении остановился. Его взору открылось невероятное зрелище. Огромный уродливый дуб возвышался в центре круга, обрамленного сотней таких же мерцающих призрачным светом огоньков. А перед этим безобразным исполином врос в землю огромный кусок черного гранита, на котором лежала девушка.

Подсвеченное зелеными всполохами бледное лицо Преславы не выражало никаких чувств: ни тревоги, ни страха.

– Очи закрыты, – с содроганием прошептал Желан.

Теперь он заметил стоящую спиной к нему сторбленную фигуру в какой-то отвратительной накидке.

Кто это был, он не понимал, но почему-то не мог сделать даже шага. Для этого он должен был неминуемо перешагнуть ту самую светящуюся границу круга.

– Человек ли это? – Желан всматривался в непонятный силуэт. – Кто это?

Фигура в капюшоне вскинула руки, и жених увидел ярко блеснувший клинок. Желан опешил. Ему бы надобно броситься вперед, выбить огромный нож из рук этой темной фигуры или хотя бы крикнуть, привлечь внимание палача, но он медлил, медлила и фигура в капюшоне.

«А ведь это моя жена там лежит! Жена!»

Мысль обожгла. Может, и не было у него к Преславе великой любви, но девушка ему нравилась своей красотой и кротостью.

«Через миг ее убьют!»

Желан рванулся вперед. Туда, в круг, к камню, к палачу, остановить, помешать, спасти! Рвануться-то рванулся, но получилось только болезненно дернуться. Кто-то сильный схватил его настоящей медвежьей хваткой. Боль полоснула огнем – он не мог даже на вершок сдвинуть тело или пошевелить плечами.

– Куды собрался? – хохотнул этот кто-то за спиной.

Желан дернулся, как от укуса собаки, и бешено завращал головой, пытаясь заглянуть назад, за спину. Не получилось.

Голос хрипло приказал:

– Смотри! Смотри вперед, смерд!

Злость, с которой были сказаны эти четыре слова, не оставили Желану ничего другого, как смотреть на зловещую фигуру с клинком, занесенным над незащищенным телом его невесты. Он перестал сопротивляться – медленно повернул голову и увидел, как обрушились вниз руки палача в страшном капюшоне.

Священное лезвие Скверны с невероятной скоростью устремилось вниз. Удерживая двумя руками длинную рукоять волнистого меча, Ягода нанесла смертельный удар. Ритуальный стилет вошел в тело несчастной жертвы легко – с шелестом и тихим хлопком. Преслава дернулась всем телом, захрипела и обмякла.

– Не-е-е-е-е-ет! – беспомощно завыл несостоявшийся муж бедной девушки. – Нет! – зарыдал он.

Как будто испугавшись, содеянного, черная ворожея отшатнулась назад, отступив всего лишь на один шаг. Она потянула на себя рукоять и, выдернув Скверну из тела жертвы, уронила великий клинок на землю. Кровь хлынула дрожащим фонтанчиком на заклан-камень, устремляясь вязкими ручейками по еле заметным кровотокам гранитной плиты, отшлифованной вечностью.

Ягodu трясло от возбуждения. Крик Желана наконец-то привлек ее внимание и она, оторвав жадный взгляд от своей жертвы, резко повернулась к своему бывшему возлюбленному, замерев в растерянности.

Ведьма пресытилась пролитой кровью и уже не хотела никого убивать.

– Пускай идет своей дорогой! – смущенно прошептала она. – Пусть. Пусть идет.

Чернобог сжал парня в руках, и косточки того громко хрустнули.

– Ты должна выполнить наш договор полностью, – пророкотал владыка мертвых. – Иначе ты не получишь свою награду.

Ведьма застыла, обдумывая слова Чернобога. Затем она с протяжным выдохом подняла Скверну и качнула ее в правой руке, ощущая вес страшного жала.

– Нет! – громыхнул Чернобог. – Скверна не простое орудие убийства – это священный клинок. Положи его на заклан-камень. Там его дом и его предназначение.

Чернавка с сожалением положила ритуальный стилет рядом с телом Преславы и с тревогой оглянулась на гигантскую фигуру Чернобога, который удерживал перед собой хныкающего от боли Желана.

Ведьма медленно приблизилась, скрыв лицо под капюшоном накидки, подобно послушной жрице древних богов. Она не могла смотреть в глаза своей новой жертве. Почему-то ей было стыдно и даже страшно.

Ворожея остановилась – до Желана два шага. Она прислушивалась к своим ощущениям: вот он, в ее власти. Любил ли он ее? Думал ли он о ней, как она о нем?

Нет.

Ягода внезапно поняла, что рассматривает сына кузнеца недавно обретенным внутренним зрением. Теперь Желан предстал перед ней иным – совсем не таким, каким она его себе всегда представляла. Она увидела склизкого, хитрого, молодого подонка с сальными, бегающими глазками. Этот человечиска, жаждущий плотских утех, и испортивший ни одну девку в деревне и ее окрестностях, завоевал несчастную сироту просто так, от скуки, мимоходом. Он никого и никогда не любил. Девушка это отчетливо поняла, и жалость исчезла – ее унесло, подобно сквозняку в морозное утро, сдуло, как пар над горячей похлебкой. Охладела душа, затрепетала, всматриваясь в истинный образ бывшего любовника. Перекошенный от злобы рот, липкий страх, красные глазные яблоки и неестественно алая кровь, струящаяся по разветвленным сосудам от трепещущего быстрого сердца по всей периферии дрожащего тела... Успокоившаяся ведьма мысленно потянулась, взяла в ладони прыгающее и сопротивляющееся крупное сердце молодого мужчины и, откинув капюшон, заглянула в расширенные зрачки Желана.

Любовничек открыл рот и видимо пытался что-то прошептать Ягодке, но не смог – отвел взгляд и опустил на грудь кудрявую голову.

Ведьма не стала играть со своим обидчиком, просто мысленно сжала его сердце и принялась выжимать из него кровь до самой последней капельки крови. Лицо парня побелело, и тогда Чернобог разжал руки. Мертвый Желан сложился пополам и упал на мокрую землю.

Владыка мертвых перешагнул через труп и, подойдя к заклан-камню, окунул в кровавую лужу три перста.

– Подойди.

Приказ Чернобога громыхнул, как гром среди безветрия и тишины.

Ведьма рухнула на колени, повернулась к своему повелителю и, зажмурившись, поползла к нему, Великому и Непостижимому. Ползла она долго, сдирая в кровь колени и пальцы рук.

Чернобог потерял терпение и, сделав шаг навстречу, схватил ее за подбородок, приблизил вплотную свое демоническое лицо к лицу этой ягой бабы, и выдохнул:

– На! Владей вечностью! Радуйся, дуреха, если сможешь.

После этих слов он нанес на ее чело три кровавых полосы и исчез.

Скомканные от грязи космы ведьмы отчего-то зашевелились, глаза затуманились, и ведьма упала на живот.

Призрачные огни одновременно погасли, и тогда осенняя темнота обрушилась на вечную ведьму, перемешиваясь с вязкой ночной тишиной, подобно меду с кашей на кухне рачительной хозяйки.

Дождь усилился, и Ягода поднялась на ноги.

Она покрутила головой, нащупала холодную твердыню заклан-камня, брезгливо отдернула руку, прижала к груди и попятилась.

– Пора домой, – прошептала Ягода. – Хватит.

Она встала на брусчатку дороги Чернобога и отправилась в обратный путь. Больше ее здесь ничего не держало.

Глава 7. Смерть

– А-ха-ха-ха-ха! – смеялась ведьма. – Свершилось!

Она отомстила и при этом обрела невиданное, несусветное вознаграждение. Награда была поистине божественная – Ягода стала бессмертной.

Давно улеглись страсти, смолкло близкое болото, выглянувшая луна, посмотрела вниз на грешный мир да и сгинула в ночных тучах.

Все закончилось! Договор с Чернобогом исполнен. Каждый из них выполнил свои обязательства: и она – юная ведьма Ягода, снискавшая для себя немыслимую мощь и вечную жизнь, и он – Чернобог, страж мертвого царства, хранитель Нави, вернувший себе былой облик и прежнее могущество. С первой упавшей каплей невинной крови на холодный гранит заклан-камня вернул – сразу, но ненадолго – на сорок сороков сменяемых лун.

– Но ничего! Когда это времечко истечет, – хмуро проговорил Чернобог, спокойно взирая на удаляющуюся Ягоду, – эта дура еще вернется ко мне, приползет снова, приползет. Она будет умолять меня вернуть ее смерть. А вот это уже будет поистине настоящий дар. За него надобно будет очень постараться угодить мне – Черному Богу!

А новоявленная вечная ведьма буквально летела над пожелтевшими папоротниками, едва касаясь земли.

Ягода стремилась домой, в свою одинокую избушку. Ведьма устала и проголодалась, она чувствовала, как наливались свинцом веки – усталость накатывала волнами. Дело было сделано, и теперь Ягоде хотелось все обдумать в тишине и спокойствии.

Великая и могучая колдунья пребывала в совершенной уверенности, что ее наиглавнейшая роль в тех жутких напастях и бедах, что обрушились на головы ее бывших соплеменников, никому неизвестна. Особенно не задумываясь, она наивно решила, что очевидцев всех ее деяний не осталось – они все мертвы. Именно поэтому Ягода стремилась вернуться в деревню до туманной утренней зорьки, под прикрытием осенней мглы.

Всех покойников – преследователей и несчастную невесту поглотил лес. Опасаться нечего, решила кровавая, но все-таки юная колдунья.

Осторожно выбравшись из дебрей Молохова урочища и, быстро миновав околицу Красатинки, она с превеликим облегчением увидела черную от моросящего дождика крышу родимой хаты.

– Скоро уже, – прошептала ведьма. Ритуальные одеяния были по-прежнему на ней и она, ставшая всего лишь за одни сутки свирепым извергом, теперь тихо радовалась возвращению домой, в тепло очага. Хотелось есть, спать, просто накрыться с головой большим медвежьим тулупом отца и забыться на целые сутки.

Затворив за собой скрипнувшую дверь, Ягода криво улыбнулась, запалив лучину, схватила крынку с молоком и жадно отхлебнула. Надломив черный хлеб, она с удивлением оглянулась, как будто впервые видела свое жилище. После всего пережитого ей казалось, что светлица скукожилась и уменьшилась в размерах.

Утолив голод, Ягода добралась до лежанки.

Привычно взвалив на себя тяжеленный тулуп, колдунья мгновенно провалилась в мертвецкий сон без грез и воспоминаний.

Заснула.

С первыми петухами деревня пробудилась. Петухи кричали, как при потопе – то ли почувствовали приближающуюся беду, то ли бестолковая птица радовалась появлению на горизонте первых лучей восходящего солнца.

Толпа вновь собралась на месте привычного схода, оказалось, что некоторые еще и не сомкнули глаз. Родичи оплакивали погибших и пропавших людей, громко выкрикивая про-

клятия ведьме, но выходить в сырую темень никто не хотел. Крепкие мужики сгрудились в общинном доме и ждали зорьку.

В воздухе витал липкий страх. Люди боялись ведьмы по-настоящему, до мелкой дрожи в руках, но не решались перейти к делу.

Зевающий посадник явился в сопровождении охраны и старосты.

– А ну вставайте! Хватит ныть. Так и охоту на ведьму проспим!

Хмурые мужики вскидывались, хватали вилы и батоги, кто-то поджигал несколько факелов – да, пора!

Селяне топтались, ожидая приказа посадника, и он не заставил себя долго ждать.

– Она будет убивать и красть ваших детей...

Бородатые мужчины не дослушали – зарычали, как звери и кинулись к избушке Ягоды. Бежали, касаясь локтями, плечом к плечу, подбадривая друг друга. Бежать-то недалеко, но страшно.

Ведьма распахнула глаза и, откинув тулуп, резко уселась на лежанке.

Посторонний шум разбудил ее, и этот шум нарастал. Подобравшись на цыпочках к окошку, Ягода осторожно выглянула на улицу. Увидев разъяренные лица людей, освещенные всполохами пламени факелов, ведьма отшатнулась и, задрвав подбородок, прижалась спиной к стене.

«Черви! Эти черви приползли отомстить мне. – Колдунья оскалилась и прошептала: – Пускай отведают на вкус лягушачью икорочку!»

После этих слов она принялась произносить свое новое заклинание «Мерзкая жаба»: *«О, голая склизкая жаба! Утрапи ворожбита моего, трзи его возжрело. До изгибели синегривенной придави его!»*

Люди обступили избушку чернавки со всех сторон. Обступили, окружили, приготовились, кидая хмурые вопросительные взгляды на посадника.

Смоленский посадник спешил, выдвинулся вперед и кашлянул. Он что-то хотел сказать, но не успел. Слова сами собой застряли в горле.

Мужики не понимали, почему он медлит, но когда все с ужасом увидели в окне злобное лицо Ягоды, что-то нашептывающей и тыкающей в каждого селянина скрюченным указательным пальцем, закричали:

– Жги! Жгите ее! Или она сейчас нас всех заморит!

Посадник, да и все остальные почувствовали, как внезапно к горлу прилип тошнотворный шевелящийся комок – стало тяжело дышать, головная боль застучала молотками в висках.

– Э... – громко захрипел один из всадников и, схватившись за горло, грузно вывалился из седла, забренчав снаряжением.

– Убейте ее! – приказал посадник, и сипло кашлянув, добавил. – Срочно!

Тут же вращающийся и гудящий факел по красивой дуге вылетел из разгоряченной толпы и, зацепившись древком за трубу, застрял на крыше избушки, выпустив ворох искр.

– Ягода! Это она во всем виновата! Мерзкая ведьма! Злая чернавка! Ягая баба! – кричала толпа, поджигая смоляную паклю. – Баба Яга!

Кто-то принес полный горшок осинового дегтя и с размаху забросил на резную кровлю. Глиняные черепки с треском разлетелись в стороны, и все горячее содержимое выплеснулось крышу. Черная маслянистая жидкость немедленно вспыхнула от ранее брошенного факела.

Широкоплечий бородатый мужик высыпал на крыльцо ворох сухой соломы и, подперев дверь палкой, радостно завопил:

– Подпалим! Подпалим Бабу Ягу!

Кто-то сунул в солому горящую паклю.

Занялось, задымил.

Внезапно улыбка с лица мужчины исчезла. Он выгнулся, и принялся до крови царапать собственный кадык, выпучив от натуги глаза.

Другие поджигатели заволновались – все слышали шепот Яги. Этот ужасный шепоток проникал прямо в мозг, он был везде. Мужики трясли головами, как лошади гривой, словно пытаясь отогнать назойливого слепня. Немногочисленные женщины за спинами мужиков протяжно и болезненно завывали, и деться от этой боли было некуда.

Тем временем крыша и стены избушки вовсю запылали.

Завеса едкого черно-серого дыма полезла плотным облаком из единственного окошка в избе и щелей между венцами.

Баба Яга попробовала выскочить наружу, но подпертая дверь отрезала путь к спасению. В дымной темноте молодая колдунья метнулась к деревянной крышке погреба, но туда, в угар прыгнуть не решилась.

Растопырив руки, она шарахалась по отчей избушке. Сбила на пол очаг, разбила несколько стеклянных пузырьков с готовыми отварами. Теперь она уже не насылала проклятий и угроз на своих бывших односельчан, она просто хотела спастись, пока разум не замутился. Упав на колени и выхаркивая из себя сгустки сажи, она вдруг подумала: а как же вечная жизнь? Неужели Чернобог ее обманул?

Ведьму корежило от боли, ее горло раздирало от дыма, но она выдохнула в пустоту: «Беги...»

Затем сознание угасло совсем, и Яга завалилась на бок. Какое-то время она еще судорожно вдыхала дым пожара, но вот наступил миг, когда черные крылья смерти накрыли ведунью, и теперь, замерев в нелепой позе, она умерла, замер и ребенок в ее чреве – неродившийся плод роковой страсти.

Люди молча стояли и смотрели, как горит изба темной кудесницы. Если бы они знали правду...

Крыша занялась неохотно, а вот входная дверь, подпертая крепкой палкой, напротив – пылала сизым пламенем. Весь дом был окутан черным дымом и, потому наблюдателям показалось, что все приземистое строение объято огнем. На самом деле изба сопротивлялась и вздрагивала, подобно корове, которую жалит в бок кровососущее насекомое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.